

A movie poster for the film 'Carra Don Juan' (Кара Дон Жуана). The central figure is actress Olga Vorobeychikova, dressed as the character Carra. She has long, dark, wavy hair and is wearing a blue headscarf adorned with large white flowers. Her face is partially obscured by her hands, which are heavily decorated with numerous rings and bracelets. She is wearing a blue, ruffled garment. The background is a composite image: the left side shows a blue sea under a cloudy sky, and the right side shows a sunset over the ocean with a sailboat and a person walking a dog on a beach. A red circular sticker in the top right corner contains the text 'НИКАКИХ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ' (No forbidden topics). At the bottom, the actress's name 'О Л Ь Г А ВОЛОДАРСКАЯ' is written in a stylized font, with 'О Л Ь Г А' in small letters above 'ВОЛОДАРСКАЯ' which is in large letters on a red musical staff. Below this, the title 'КАРА ДОН ЖУАНА' is written in black and red letters.

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ь Г А
ВОЛОДАРСКАЯ

КАРА ДОН ЖУАНА

Ольга Геннадьевна Володарская

Кара Дон Жуана

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168485*

Кара Дон Жуана: Эксмо; М.: 2008

ISBN 978-5-699-29499-2

Аннотация

У нее было удивительное имя – Кара! Андрей познакомился с ней много лет назад, когда она танцевала на набережной. Черноглазая дикарка с грязными пятками, она стала первой любовью Андрея. Первой любовью, женой, судьбой и... Карой! Их счастье было скоротечным, расставание неожиданным, разлука долгой, а воссоединение запоздалым – Кару похитили спустя год после свадьбы. Десять лет Андрей искал ее, а нашел только теперь, когда она мертва...Опоздал! Не успел спасти. И даже проститься...Что же теперь? Просто забыть? Или сначала найти того, кто отнял у него Кару, отомстить за нее и за себя...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	52
Адлер 200... год. Андрей	69
Глава 4	90
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Ольга Володарская

Кара Дон Жуана

*Все персонажи и события этой книги
вымышлены.*

Любые совпадения случайны

Часть 1

«Найти, чтобы потерять...»

Глава 1

Абхазия. Лето 200... года. Андрей

Дорожного автоинспектора Андрей увидел издали. Тот стоял, привалившись бедром к патрульной машине, и курил. Курил без удовольствия, лишь бы убить время. На его полной усатой физиономии читалась скука – оно и понятно, на трассе ни одного потенциального нарушителя, только гонимые ветром листья да спешащие по своим делам крупные красные муравьи. Ни машин, ни автобусов, ни завалящих мотоциклов! И это в разгар курортного сезона!

Докурив, инспектор швырнул «бычок» в траву, махнул

своему напарнику, сидящему в тени кипариса с бутылкой минералки в руке, затем открыл дверку машины, собираясь сесть за руль, но тут в зеркале заднего вида увидел приближающуюся машину. Mercedes SLK. Кабриолет. Полста штук баксов – зарплата патрульного постового за пятнадцать лет, включая пайковые и премиальные... Скука с лица инспектора улетучилась в мгновение. Сначала на нем появилось торжество, потом решимость, затем издевка (вот я тебе задам, богатый сукин сын!), а в заключение алчное нетерпение – машина приближалась слишком медленно, на скорости сорок пять километров в час, а приступить к «ощипыванию гуся» хотелось незамедлительно.

«Сейчас докопается, – пронеслось у Андрея в голове. – До просроченного йода в аптечке. Или еще какой ерунды... Пятихатку вытрясет как минимум!»

Инспектор, вскинув жезл, вышел на дорогу.

Андрей послушно остановился, не дожидаясь требования, достал права, доверенность и техпаспорт.

– Старший сержант Масаев, – запоздало отрекомендовался инспектор, хватая документы потными руками. – Вы не заблудились, господин... – он прочел фамилию Андрея на международных пластиковых правах. – Господин Караян? Поворот на Гагру вы проехали...

– Я направляюсь не в Гагру. Мне туда... – Андрей указал рукой вперед.

– М-м-м, – многозначительно промычал Масаев, углубля-

ясь в изучение доверенности.

Андрей откинулся на сиденье, прикрыл глаза. Он предполагал, что инспектор будет долго просматривать его бумаги, затем потребует открыть багажник, аптечку, бардачок. Он будет искать оружие, наркотики, взрывчатку, расчлененный труп. Не найдя ничего подозрительного, начнет звонить в управление, дабы узнать, не числится ли в угоне Mercedes SLK с номером P555CT. И добьется-таки того, что Андрей сунет ему купюру, лишь бы отстал.

Но инспектор повел себя необычно. Вместо вопроса «Наркотики, оружие при себе имеете?» он задал совсем другой, причем на абхазском языке, которым Андрей владел так же хорошо, как русским, армянским, французским:

– Эта машина принадлежит Гургену Караяну?

– Ну вы же сами видите, – Андрей показал глазами на доверенность. – Тут ясно написано...

– Он ваш однофамилец?

– Он мой двоюродный брат.

Инспектор сосредоточенно кивнул, покрутил права в руках, затем вернул их со словами:

– А Карэн Караян кем вам приходится?

– Отцом.

– Так вы сын Барса?

– Да, – немного удивленно ответил Андрей – его отца уже много лет не называли Барсом – все больше мсье Карайо-о-он. – А что, вы знали моего папу?

– Лично нет, но много о нем слышал... Мой старший брат на него работал когда-то... Давно, еще до войны... – Масаев помрачнел. – А в войну его убили...

– Сочувствую...

– А ваш отец, он живет за границей?

– Во Франции. – Андрей нетерпеливо побарабанил пальцами по рулю – в его планы не входила затяжная беседа с незнакомым человеком, да и отвык он во Франции от праздных бесед со случайными людьми. – Я могу ехать?

– Да, конечно... – Масаев махнул жезлом и отошел к обочине. – Вы в родные места путь держите?

– Да. Хотел посмотреть на развалины, бывшие некогда моим домом...

– Вы сильно удивитесь, увидев их...

Андрей не стал уточнять – почему. Распрощавшись с инспектором, он завел мотор и помчал на своем кабриолете в сторону гор. Там, за перевалом, за бурной речкой, за заброшенной пасекой, стоит дом, в котором он вырос. Белый двухэтажный особняк, окруженный парком. Великолепный, богатый, гостеприимный когда-то, теперь заброшенный, обветшавший – в Абхазии много подобных руин. Разоренные, покинутые виллы, гостиницы, турбазы, есть даже вымершие поселки – война изгнала из них людей. Как изгнала Андрея и его отца из родного дома и ставшей родной Абхазии. Теперь они живут во Франции. В маленьком городке в предгорье Альп. Имеют успешный бизнес, достаток, а их шале не

менее роскошно, чем кавказская вилла, но Андрей до сих пор не может привыкнуть ни к роскошному шале, ни к новой родине. Душа его так и осталась здесь, в Абхазии, в которой он не был больше пятнадцати лет...

Подумать только! Уехал двадцатиднолетним мальчишкой, а вернулся взрослым мужчиной. Все эти годы он ломал себя. Старался соответствовать новой родине: быть более серьезным, деловым, европеизированным. И у него, можно сказать, это получалось. Теперь он не дерется из-за женщин на кулаках, не бьет посуду в ресторанах, почти не пьет, совсем не курит. Был горячим армянчиком, стал рассудительным французом, был Дюхой, стал Андрэ... Или ему только кажется, что стал... Еще вчера, сойдя с трапа самолета в Адлере, он мыслил по-французски: думал о новом бизнесе (они с отцом решили вложить средства в строительство отеля на берегу моря), инвестициях, планировал встречи и умеренные, в духе Французских Альп, развлечения. А теперь все мысли о делах вылетели из его головы. Хотелось найти старых друзей, новых девочек, непременно курортниц, взять бочку красного домашнего вина, мяса, фруктов, прыгнуть в машину, да не в кабриолет, а в «УАЗ», как раньше, подняться в горы, развести костер, нажарить шашлыков, напиться... По-настоящему, как когда-то! Чтоб все проблемы из головы вон, чтоб голышом в водопаде купаться и не мерзнуть при этом, чтоб проснуться утром у погасшего костра в объятиях двух обнаженных красоток!

Но Андрей понимал, что ничего этого он не сделает. У него мало времени и много дел. Да и старых друзей разыскать – большая проблема. Девочек-курортниц – пожалуйста, сами подходят знакомиться, сами приглашают прогуляться в горы, даже неинтересно! И вино местное после изысканного французского кажется кислым, чересчур терпким. А от баранины он и вовсе отвык, перейдя на морепродукты и лягушачьи лапки! Офранцузился все ж таки! Но, несмотря на это, Андрей всегда ощущал себя именно кавказцем. А сейчас особенно. Эти горы, этот воздух, эти, черт побери, сгнившие коробушки ульев были ему родными! Еще ребенком он облазил все ущелья, исходил все тропы, изучил каждый куст. Все камни в речке были его друзьями, все валуны союзниками – по ним он мальчишкой перебирался на другой берег, где росла самая сладкая малина... А воздух! Какой божественный здесь воздух! Хваленый альпийский и тот с ним не сравнится...

Пока Андрей ностальгировал и полной грудью дышал, смакуя пропитанный ароматами горных цветов воздух, дорога сделала поворот. А за ним, за поворотом, через сто метров показалась развилка. Возле левого ответвления стоял столб с полусгнившим указателем: «пос. Горный – 1 км». Но Андрея пос. Горный не интересовал – их вилла стояла отдельно, чуть выше и правее населенного пункта, поэтому он свернул на другую дорогу.

На медленной скорости, очень осторожно, он проехал

полтора километра по узкому серпантину. Достиг небольшого плато, где, белея на фоне серых, в ярких пятнах зелени, гор, стоял его родной дом. Двухэтажный, с высокой башенкой, с изящными балкончиками и длинной галереей, с мраморным крыльцом, охраняемым двумя дремлющими барсами. Это был настоящий дворец. Но без привычных для востока изысков, он скорее походил на императорскую резиденцию в Ливадии: такой же благородный, скромный, если не сказать простой, но очень элегантный.

Андрей вылез из машины, прошел к изящной деревянной беседке, за которой начинался сад. Каких растений в нем только не было! И разнообразные пальмы, и лиственницы, и кипарисы, и пинии, и платаны... Причем все они были привозными, так как изначально здесь рос только кустарник. Когда Андрей видел сад в последний раз, он был в ужасном состоянии: многие деревья поломаны, цветы вытоптаны, клумбы изрыты гусеницами бронетранспортера. Да и сам дом лишился окон, дверей, не говоря уже о мебели, картинах. Даже барсы пострадали – в их морды прицельно палили из автомата, отчего они потеряли свой привычный надменный вид, став жалкими инвалидами... И с тех пор прошло столько лет! За эти годы дом должен был обветшать окончательно. Без окон, без дверей, с пробитой снарядами крышей он не мог сохраниться. Но, к удивлению Андрея, дворец Барса выглядел отлично. Более того, он совсем не походил на заброшенные, истерзанные годами и стихиями развалины. В ок-

нах появились стекла, двери тоже присутствовали, зато дыры в крыше как не бывало!

«Что за ерунда, – подумал Андрей растерянно. – Этого не может быть! Дом мы не продавали. Не сдавали в аренду. Не дарили родственникам. Мы просто его покинули, и все... Тогда почему его в наше отсутствие *кто-то* отреставрировал? Зачем этот *кто-то* вложил кучу средств в чужую недвижимость? Разве это разумно? Ведь в любой момент могут объявиться хозяева и выкинуть самозванца вон!»

На эти вопросы у Андрея был лишь один ответ – власти нового государства экспроприировали виллу Барса. Затем ее присвоил какой-то местный князек. Одно неясно – зачем? Ведь легче было построить новый дом, чем восстанавливать этот. К тому же местные князьки, как Андрей успел заметить, предпочитают обзаводиться недвижимостью на берегу моря. В какой-нибудь тихой бухте или престижном поселке...

Андрей, задрав голову и прикрыв глаза от яркого солнца темными очками, стал разглядывать дом более внимательно. Похоже, он обитаем. То есть его не просто восстановили, дабы не дать развалиться окончательно, в нем живут. Вон на парапете балкона в ряд стоят горшки с папоротниками, а их надо регулярно поливать, и окошко на втором этаже (кажется, это окно бывшей Андреевой спальни) приоткрыто, а через щель виден край тюлевой занавески, которую треплет ветер. Выходит, там сейчас кто-то есть...

«Вот и спросим у этого *кого-то*, что он делает в моем доме», – подумал Андрей, решительно проследовав к особняку.

Шагая по дорожке к крыльцу, он отметил, что сад вновь ухожен. Даже разбитая мозаика фонтанчика (сейчас не работающего) восстановлена.

Андрей поднялся на крыльцо, похлопав одного из барсов по надменной сонной морде, толкнул добротную дубовую дверь.

Она подалась.

Андрей вошел внутрь.

В холле стоял полумрак. Только на мраморном полу белели узкие трафареты окон. На один Андрей встал, сделав шаг в глубь помещения.

– Эй, есть кто тут? – прокричал он – надеялся, что беспечные хозяева его услышат и выйдут. – Извините, что ворвался, но у вас не заперто...

Никто не отозвался. Но Андрей расслышал, что на втором этаже тихо играет музыка. Звучала (похоже, по радио) его любимая композиция – «Незнакомцы в ночи» Фрэнка Синатры.

Андрей выкрикнул приветствие на абхазском, затем повторил на армянском, но это ни к чему не привело – в доме не произошло никакого движения. Тогда он пересек холл, ступил на лестницу и стал подниматься вверх. Пока шел, смотрел вниз и удивлялся. Обстановка дома очень походила

на ту, которая была когда-то. Та же мебель, те же напольные вазы, те же цветы в вазах, а также пейзажи в нишах, занавески на окнах, книги на полках. И обивка стен (тяжелый шелк с выбитыми лилиями) была того же кремового оттенка. Сознавалось впечатление, что *кто-то* педантично восстановил все детали интерьера и расставляет эти детали именно по тем местам, где их когда-то расставила мама — это она занималась оформлением дома. Значит, особняк присвоил человек, бывавший здесь раньше...

Бывший партнер отца? Дальний родственник? Близкий друг? Заклятый враг? Ведь недруги здесь тоже бывали...

За этими думами Андрей миновал лестницу. Шагнул на ковер, устлавший широкий коридор с шестью дверями. Самая первая вела когда-то в спальню его сестренки Марианны. Вторая в его. Третья в родительскую. Четвертая в бабушкину. Остальные комнаты считались гостевыми, обычно в них жил кто-то из родственников, регулярно съезжавшихся в дом Карэна с разных концов бывшего СССР.

Теперь все комнаты, кроме одной, были заперты — Андрей проверил — только его бывшая спальня гостеприимно распахнула перед ним дверь. Немного помявшись на пороге, он вошел. Привалившись виском к косяку, стал рассматривать помещение. Как он и ожидал, спальня выглядела точно так же, как много лет назад. Будто их, этих лет, и не было вовсе. Андрей поймал себя на бредовой мысли, что время пустилось вспять, и теперь не начало двадцать первого века, а по-

следнее десятилетие прошлого. И дело не в мебели, которая стоит там, где должна стоять, ни в торшере с кистями, который сгорел давным-давно, а сейчас материализовался на прежнем месте, не в нежно-розовых занавесках, сшитых бабушкой, а в женщине, спящей на круглой кровати...

Женщине из прошлого!

Та любила лежать поверх шелковых простыней в обнимку с подушкой. Как и эта! Та была стройна, миниатюрна, черноволоса. Как и эта! Та носила на щиколотке золотой браслет, состоящий из маленьких дельфинчиков. И эта женщина носила точно такой же!

Андрей зажмурился. Он испугался за свой рассудок – вдруг все, что он видит сейчас, включая обнаженную женщину на кровати, галлюцинация. Ведь ее, именно ЕЕ, здесь никак не должно быть! Она ушла из жизни Андрея несколько лет назад! Исчезла! Испарилась, как тонкий дымок ее любимых сигарет «Вог»...

Галлюцинация, определенно галлюцинация...

Но через секунду открыв глаза, он обнаружил, что картинка не изменилась...

Не изменилась и женщина. За те годы, что он ее не видел, она не прибавила ни килограмма, не перекрасилась, не подурнела, не постарела. Только еще больше стала походить на ангела, смуглого черноволосого ангела с глазами дикой серны...

Андрей сделал шаг. Протянул руку, чтоб дотронуться до

гладкого плеча, но не успел его коснуться – когда пальцы были в сантиметре от шоколадной кожи, он увидел то, чего не было у той женщины из прошлого... Маленькую круглую дырочку между четких бровей, из которой на безупречное лицо вытекла тонкая струйка крови. Вытекла и застыла, перечеркнув его – это господь вычеркнул ЕЕ из списка живых!

Вдруг в комнату влетел порыв ветра. Тонкая тюль на окне заколыхалась, потом вздулась парусом. Покачнулись кисточки на балдахине кровати. Зазвенели хрустальные колокольчики, висящие над дверью. А черные, рассыпавшиеся по подушке волосы слабо зашевелились. И Андрей опять зажмурился – ему почудилось, что мертвая женщина поднимает голову, чтобы запечатлеть на его губах прощальный поцелуй.

Но он ошибся – это был просто ветер!

Просто ветер...

Андрей наклонился, приблизил глаза к ране на лбу женщины. Края были обожжены – стреляли в упор. Сделали контрольный выстрел в голову. А первый в сердце: только сейчас Андрей увидел пулевое отверстие в груди и лужу крови на простыне...

Еще он увидел пистолет. Маленький, изящный, с ручкой, отделанной слоновой костью. Кажется, это была «беретта». Андрей взял оружие двумя пальцами за дуло, рассмотрел со всех сторон и после недолгого раздумья положил в карман.

Когда он наклонился, чтобы поднять оружие, увидел под кроватью альбом для рисования. Он лежал на полу, а рядом

с ним валялись рассыпанные пастельные мелки. Андрей вытащил альбом, открыл, начал пролистывать. Не успел дойти до середины, как альбом выскользнул из рук и упал, открывшись на женском портрете. С белой страницы на Андрея смотрела красивая ясноглазая девушка, написанная пастелью. Под рисунком имелись цифры: 101080. Телефон? Дата рождения? Шифр? Раздумывать над этим было некогда, поэтому Андрей засунул находку за ремень брюк.

После этого он подошел к покойнице. Склонился над ней. И, стараясь не замечать черной дырки меж надломленных бровей, поцеловал в ледяной лоб.

Губы тут же стали холодными, словно омертвели от прикосновения к ЕЕ челу, а по лицу покатилося что-то горячее... Неужели слезы? Андрей дотронулся до своей щеки, стер с нее влагу. Оказалось, он действительно плакал. А он-то думал – разучился! Он считал, что уже выплакал все, когда потерял ЕЕ впервые. И вот, поди ж ты, что-то осталось... Золотой запас слезных каналов открыт специально для НЕЕ! ОНА бы оценила это! ОНА любила дешевую мелодраму...

А Андрей любил ЕЕ!

Любил и постоянно терял. Искал, но не находил. Однако неизменно встречал. Случайно. Словно судьба сталкивала их...

Столкнула и на сей раз. Только для того, чтобы он понял, что потерял ЕЕ навсегда!

Потерял свою единственную ЛЮБОВЬ, свою ЖЕНУ,

СВОЮ КАРЬ!

Глава 2

Адлер. Лето, 1990 год

Лето выдалось жарким. Даже в июне температура зашкаливала за сорок. Но в десять утра было еще терпимо. Именно поэтому Андрей рано вставал, чтобы попасть на пляж до жары. Его семья: родители, сестра, двоюродные братья, Гурген и Федор, подтягивались лишь к одиннадцати. Они долго спали, долго завтракали, долго собирались. А придя на пляж, тут же прятались под зонтики и навесы, чтобы избавить себя от пагубного воздействия ультрафиолета. Андрей же любил жариться на солнышке. По три часа утром и два вечером. Лежа у кромки моря. На приятно прохладной гальке.

За те две недели, что они гостили у тетки в Адлере, он загорел до черноты. На его теле было всего лишь два белых пятна: одно на бедрах, от трусов, второе на безымянном пальце от подаренного отцом на совершеннолетие платинового перстня, который он никогда не снимал.

Андрею шел загар. Его стройный безволосый торс, покрытый темным золотым загаром, становился скульптурным. А красивое лицо завораживающим: зеленые, с желтыми крапинками глаза на шоколадном фоне казались еще ярче, пронзительнее. Именно поэтому Андрей с начала весны принимал солнечные ванны – садился на балкон своего дома, подставлял лицо под ласковые мартовские лучи и дремал

под музыку Синатры до заката. В этом не было бы нужды, пойдя он в отца, тот был от рождения смугл, но Андрей унаследовал кожу матери, белокурой зеленоглазой русской по имени Елена. От нее ему достался прямой аккуратный нос и яркие полные губы. Слишком нежные, слишком девчоночьи, как казалось Андрею. Лучше бы их унаследовала его сестра Марианна. Но та во всем пошла в отца: и смуглостью, и носатостью, и узкогубостью. Притом она была красива, но суровой, холодной, какой-то мужской красотой. Женственная, ранимая, мягкая Марианна производила впечатление неприступной, высокомерной, жесткой девушки. Несмотря на то что у нее была отличная фигура, роскошные черные волосы, большие светло-карие глаза, чистая гладкая кожа, парни не спешили к ней «клеиться». Смотрели издали, восхищенно цокали языками, но подходить боялись. Впрочем, Марианна нисколько от этого не страдала, поскольку мальчики ее пока не интересовали – несмотря на кажущуюся зрелость, в свои шестнадцать она оставалась сущим ребенком...

Андрей в ее возрасте был совсем другим. Бывалым, раскрепощенным, вкусившим плотских удовольствий молодым человеком. Оно и понятно – невинности он лишился в тринадцать, а в четырнадцать мог похвастаться тем, что имел секс с двумя троюродными сестрами, тремя соседками, одной двадцатипятилетней медсестрой и парой одноклассниц одновременно. К девятнадцати он немного пресытился, и симпатичные девушки уже не вызывали у него вспышки низ-

менного желания. Лишь одна категория женщин по-прежнему его волновала: зрелые, искушенные, грудастые блондинки, которых было немало на пляжах Адлера. Вот и сейчас Андрей ловил на себе вожделенный взгляд одной такой нимфы: полной, зеленоглазой курортницы, самого наилучшего возраста – лет двадцати семи – двадцати восьми. Она возлежала на надувном матрасе в метре от него и делала вид, что читает. По опыту Андрей знал, что минут через десять она отправится в море и по дороге заденет его своим бедром. Если он прореагирует на это прикосновение, то завяжется беседа, в результате которой они договорятся встретиться под маяком. Встреча, естественно, состоится. Затем они пойдут в какое-нибудь кафе на набережной, посидят там, дую пиво или шампанское. Он закажет для нее песню, купит ей розу, скажет кучу комплиментов, в результате она пригласит его в свою съемную комнатку, в которой они займутся тем, ради чего, собственно, познакомились. А через пару дней она уедет в свой Новосибирск или Самару, где будет вплоть до зимы рассказывать о своем коротком приключении подружкам...

Он же забудет ее сразу, как только она скроется в чреве аэропорта, и даже не вспомнит, как ее зовут, так стоит ли реагировать на ее прикосновение?

Андрей лениво перевернулся на живот, отворачиваясь от ищущего взгляда сексапильной блондинки. Опустил голову на гальку. Прищурившись, посмотрел вдаль. Его внимание привлекла стайка смуглых цыганят, толкущихся у катамара-

на. Кудрявые, чернявые, вертлявые ребятишки разглядывали его с таким интересом, как будто это был космический корабль. Глядя на них, Андрей вспомнил девочку, с которой познакомился несколько лет назад на этом же пляже...

Это произошло в 1985-м. Тогда четырнадцатилетний Андрей так же с семьей гостил у тетки. И так же любил являться на пляж ни свет ни заря. В тот день он строил замок из гальки. Выискивая в прозрачной утренней воде красивые камни, он забрел к самому волнорезу, где на приколе стояли лодки и катамараны. На сиденье одного из них он увидел девочку. Ей было лет одиннадцать-двенадцать. Хрупкая, загорелая, с длинной черной косой, она сидела спиной к Андрею и самозабвенно кидала в воду камни. Груда гальки лежала рядом с ней, она брала по голышу и швыряла в волны. Метила она в такую же чернявую, как у нее, головку, но не попадала.

– Ты чего делаешь? – гневно спросил Андрей у девочки. – Так же покалечить можно...

Маленькая чертовка не ответила, а голыши швырять стала реже, но прицельнее.

– Перестань хулиганить! – прикрикнул Андрей, раздосадованный таким поведением – сам он никогда не совершал пакостей исподтишка, поэтому не терпел, когда это делали другие. – Иначе я все скажу твоим родителям!

Девочка не испугалась, но швыряться камнями перестала, а все потому, что горка метательных снарядов иссякла. Тогда она поднялась, вытянула руку и зачерпнула горсть голышей,

дабы возобновить обстрел.

– Тебе не стыдно? – задал резонный вопрос Андрей.

– Нет, – ответила девочка, не оборачиваясь. – Сегодня он украл у меня куклу. А вчера съел мой пирог с курагой... – Она сжала маленькие кулачки и добавила: – Я его ненавижу!

– Нельзя так говорить, – наставительно заявил он.

– Да пошел ты, козел!

Андрей собрался пожурить девочку за грубость, но тут она обернулась и воззрилась на него с таким пренебрежением, что он замолчал.

– Ну, че уставился? – спросила она. – Топай отсюда и не лезь куда не следует!

Из уст маленькой девочки ругань звучала так нелепо, что Андрей рассмеялся.

– Вот обезьяна, – с улыбкой буркнул он. – И кто тебя научил так разговаривать?

– Иди в жопу!

Андрей хотел было дать девочке подзатыльник, но передумал. В это время из моря выскочил чернявый мальчишка, тот самый, что подвергся обстрелу, и дернул воительницу за косу. Та тут же вскочила, норовя лягнуть обидчика. При этом она кричала что-то гневное на непонятном языке и корчила рожи, а мальчишка хохотал, все сильнее накручивая на кулак ее толстую косу. Наверное, девчонке было очень больно, но она не плакала, только методично обругивала обидчика да дрыгала тонкими ногами с ободранными коленками в

надежде достать до его живота жесткой пяткой.

– Эй, парень, да ты ей скальп сейчас снимешь! – воскликнул Андрей, кидаясь разнимать дерущихся. – Отпусти ее!

Мальчишка послушался, но девочку его капитуляция не тронула, как только ее волосы освободились от тисков, она с еще большим азартом начала дубасить противника, пустив в ход не только пятки, но и кулаки.

– Вот бестия, – хохотнул Андрей и схватил девчонку под локти, чтобы оттащить от пацана.

Когда он приподнял ее над землей, она задрала свою кудрявую головку и посмотрела на него такими глазами, что Андрей опешил. Только сейчас он заметил, как красива смуглянка. У нее был удивительный взгляд: невинный и порочный одновременно, будто ангел и дьявол уживались в этом маленьком человечке... А лицо! Какое у нее лицо! Тонкое, правильное, с точеными чертами: нежный овал, изящный маленький нос, мягкие губы, надломленные брови, огромные влажные глаза, а в них пылает необузданная ярость. Наверняка именно такой взгляд был у медузы Горгоны. Именно такой взгляд убивал!

– Отпусти! – выкрикнула девочка, долбанув Андрея пяткой под дых. – Без тебя разберемся!

– Да, – поддакнул мальчишка. – Мы постоянно деремся, нас мама и та не разнимает...

– Вы родственники?

– Мы брат и сестра. Разве не похожи?

Нет, они совершенно не походили друг на друга. Идеально красивая, утонченная сестра и бровастый, носатый брат. Даже их смуглость была разной: ее персиковая, нежная, его коричнево-горчичная, почти негроидная. Она походила на испанскую инфанту, он на цыганенка-кочевника... Одно их объединяло – акцент, с которым они говорили по-русски, да еще облачение: и брат и сестра были одеты в обноски. Он в шорты и вылинявшую футболку, она в юбку и рубаху с оторванными рукавами.

– Хотите мороженого? – ни с того ни с сего спросил Андрей, обращаясь к инфанте. – Или пирогов с курагой?

– Лучше деньгами дай, – нагло заявил мальчишка. – Мы на них сигарет купим...

– Да, – поддакнула его сестра. – А пирогами мы и без тебя разживемся! Нам постоянно их подают! Нет бы кто пачку «Явы» кинул...

– Вы милостыню собираете?

– Че это? – обиделась девочка. – Мы на набережной выступаем: танцуем, поем, гадаем. Нам за представление прохожие платят. Кто деньгами, кто сладостями, а иногда...

Чем иногда расплачиваются с певцами-побирушками курортники, Андрей так и не узнал: в этот момент на волнорезе показалась низкорослая цыганка с младенцем на руках. Несмотря на жару, она была одета в длинное пышное платье, штаны, сапоги и шерстяную кофту. Судя по суровому выражению лица, она была чем-то недовольна. Наверняка свои-

ми детьми – в том, что эта женщина мать мальчишки, сомневаться не приходилось: он был ее маленькой копией.

Предположение Андрея тут же подтвердилось, так как женщина, увидев ребят, проорала на своем языке нечто грозное, а затем раздраженно махнула рукой, призывая их следовать за ней. Дети подчинились. Но перед тем как взобраться на лестницу, девочка обернулась и одними губами произнесла:

– Меня зовут Кара, а тебя?

– Андрей, – так же беззвучно ответил он.

Кара кивнула и припустила вслед за братом.

Как только они скрылись в толпе спешащих на пляж курортников, Андрей вернулся к своему галечному замку, но до самого вечера вспоминал лицо маленькой разбойницы с символичным именем КАРА...

А вечером увидел ее вновь.

Он гулял по набережной в компании родителей. Импозантный, с иголки одетый отец вел под руку утонченную, безумно красивую маму в легком розовом платье, а облаченный в небесно-голубые джинсы и белую майку Андрей шел на два шага впереди, расточая улыбки симпатичным девочкам и их мамашам. Минут через двадцать он планировал отделиться от родителей – как ни приятно ему было их общество, а одному гулять по набережной лучше: при маме он стеснялся заигрывать с девушками, а при отце боялся курить, так что избавиться от предков надо было обязательно,

поскольку без заигрывания и курева бродить скучно...

Андрей нащупал в кармане мягкую пачку сигарет «Лаки Страйк», проверил, не сломались ли, затем пересчитал деньги, в наличии оказалась смешная сумма, которой хватит только на пару банок пива. Значит, придется втихаря попросить у мамы – то, что дал ему отец, Андрей давно прогулял. Пока он раздумывал над тем, как улучшить момент, чтобы обратиться к матери с просьбой, родители остановились около уличного художника, рисующего шаржи.

– Андрюшка, – окликнула сына мама. – Иди сюда, смотри, как здорово!

Но Андрей не подошел – его внимание привлекла кучка народа, собравшаяся около парапета. Человек двадцать курортников, обступив кого-то, смеялись и хлопали в ладоши. Наверное, перед ними выступал какой-нибудь клоун или дрессировщик с обезьянкой. Скорее последнее, так как животные пользовались у публики наибольшим успехом.

Чтобы удостовериться в правильности своей догадки, Андрей влился в толпу.

Оказалось, он ошибся. Перед праздной публикой выступали не животные, а люди. Вернее, дети. Четыре маленьких цыганенка. Две девочки и два мальчика. Ребята танцевали, скидывая коленки, приседая, хлопая себя по бокам, тряся нечесаными кудрями. Одна из девчонок пела, вторая ей аккомпанировала на бубне. К моменту, когда Андрей подошел, выступление уже заканчивалось. Но цыганята на бис решили

исполнить еще один номер.

– Танец «Умиравший лебедь», – громко объявил один из плясунов, в котором Андрей узнал своего недавнего знакомого с пляжа. – Исполняется впервые!

Публика зааплодировала, а на передний план выдвинулась девочка с бубном, только теперь инструмента при ней не было, зато на плечах появилась шаль, как потом оказалось, символизирующая крылья. Она выставила вперед босую ножку с вытянутым носком, согнулась, опустила руки к асфальту, склонила головку, закрыла глаза и замерла, будто ожидая, когда зазвучит музыка. Несколько секунд она простояла так, потом резко распрямилась, вытянулась в струну, взмахнула кистями рук и начала свой танец умирающего лебедя. К счастью, длился он не очень долго, иначе зрители умерли бы от смеха, потому что девочка-лебедь умирала до того потешно, что спокойно смотреть на это было невозможно. Комичность усугублялась тем, что «балерина» и не думала никого смешить, она была очень серьезна и сосредоточенна, а на дружный хохот не реагировала.

– Какая удивительная девочка, – Андрей услышал за спиной голос мамы. – Я никогда не видела таких красавиц среди цыган...

– Да, – поддакнул отец. – Она не похожа на цыганку. Наверное, полукровка.

– Просто Эсмеральда! Ей только козочки с золотыми рожками не хватает...

– Это Кара, – встрял в разговор родителей Андрей. – А тот мальчик, что повыше, ее брат.

– Совсем не похожи...

– Да нет, – не согласился отец. – Что-то общее есть, но девочку явно зачали от какого-нибудь белого человека. Русского или, например, поляка. – Он тронул сына за руку: – Андрюша, пойди, дай ей денег, чтобы перестала дурачиться – танцевать она совсем не умеет...

Андрей выгреб из кармана все имеющиеся деньги, шагнул к Каре, которая, рухнув на колени, задрожала, изображая агонию, после чего распласталась на асфальте и замерла.

– Умер наконец-то лебедь! – со смехом выкрикнул какой-то пьяненький дядька. – Теперь на похороны будут собирать!

И точно, как только танцовщица поднялась, ее товарищи кинулись к публике с протянутыми ладошками. Одна Кара не двинулась с места. С надменным, как у примадонны, видом она начала раскланиваться. На деньги, протянутые ей Андреем, даже не взглянула, их выхватила из его рук вторая девочка.

Собрав гонорар за выступление, цыганята убежали. Но Кара, перед тем как сорваться с места, сделала шаг к Андрею и быстро прошептала:

– Завтра на том же месте...

Он кивнул, давая понять, что придет. После этого она унеслась вслед за своими товарищами, подобрав длинную

юбку. А Андрей, вместо того чтобы, отсоединившись от родителей, пуститься в вольное плавание по набережной, ушел домой. Ему не хотелось гулять, не хотелось флиртовать, курить и курить. Больше всего в тот момент он желал, чтобы побыстрее наступило завтра...

И когда оно наконец наступило, он примчался на пляж, разбитый и больной от недосыпа. Лег у катамарана и стал ждать. Но не дождался. Ни в этот день, ни на следующий Кара не пришла. Больше он вообще не встречал ни ее, ни брата. Очевидно, табор перекочевал в другой город.

Со временем Андрей забыл о Каре и вот, увидев цыганят возле катамарана, вспомнил.

Ей сейчас лет семнадцать, восемнадцать. Наверное, она вышла замуж – цыгане, как известно, рано женятся, быть может, она уже ребенка родила, а то и двух. Обабилась, поглубела, потолстела, обросла усами. Теперь она не танцует, а гадает или торгует фальшивой французской помадой.

От этих мыслей почему-то стало грустно, и Андрей решил подняться на набережную, чтобы выпить в кафе пива. Он встал с камней, взял кошелек, обул сланцы. Не обращая внимания на приглашающий взгляд блондинки, направился к лестнице.

В кафе он взял кружку пива и вареных раков. Сел за столик. Пока пил, рассматривал фланирующих по набережной дам. Благодаря моде на бикини он мог оценить не только лица, ноги, плечи, но и ягодицы с грудью. Вдруг среди оголен-

ных беспечных людей он увидел необычную девушку. Очень юная и очень красивая брюнетка быстро шла сквозь толпу, легко ступая босыми ногами по мостовой. Она была одета в длинную многоярусную юбку и изрядно поношенную рубаху с пышными рукавами. На ее шее висели гирлянды дешевых медных бус, а в нечесанных волосах белел цветок жасмина.

«Цирк уехал, а клоун остался, – весело подумал Андрей. – В данном случае уехал театр „Ромэн“, а осталась его молодая актриса, которая отбилась от труппы, одичала, пообносилась и бродит теперь по городу, смешивая всех своим глупым видом...»

А девушка тем временем запрыгнула на парапет набережной, сделала ладони рупором и, обратив лицо к волнорезу, закричала что-то на непонятном языке. Тут же на ее зов примчались давешние цыганята, обступили ее и загалдели. Слов Андрей не разобрал, только одно показалось ему до боли знакомым – это было слово «КАРА».

Кара? Та самая?

Андрей вскочил со стула, чтобы лучше рассмотреть девушку. Тоненькая, невысокая, с маленькой узкой ножкой, ей нельзя было дать больше пятнадцати. Значит, не она... Или?

– Кара! – позвал он не очень громко, но девушка услышала. – Кара, это ты?

– Вы меня? – спросила она на плохом русском.

– Ты ведь Кара?

– Да.

– А я Андрей, ты меня не помнишь?

– Нет, – быстро ответила Кара, не взглянув на него.

– Мы познакомились на этом пляже пять лет назад...

Но девушка не стала его слушать – развернулась и, окруженная стайкой пацанят, унеслась в сторону рынка.

Немного смущенный Андрей вернулся за столик, быстро допил пиво и собрался уже покинуть кафе, как стоящий за стойкой бармен позвал его кивком головы.

– Я вижу, тебе девочка понравилась, – сказал он, когда Андрей подошел. – Так вот, она вечерами у пирса танцует. Если хочешь ее видеть, подгребай часам к десяти – не ошибешься...

Андрей поблагодарил сердобольного бармена, но для себя решил, что ни к какому пирсу вечером не пойдет – зачем? Да, когда-то Кара ему очень нравилась. Можно сказать, он был в нее по-настоящему влюблен – чисто, бескорыстно, как-то по-детски... Да-да, именно по-детски, ибо любовь к Каре была последним платоническим чувством, которое он испытал. После он увлекался только теми, кто мог подарить ему наслаждение... А что ему может дать Кара? Да ничего! Хотя она, безусловно, превратилась в роскошную девушку, и теперь ее можно было бы полюбить не только платонически, но нужен ли ему секс с немой цыганкой? К его услугам холеные русские курортницы, пылкие местные красотки, раскрепощенные иностранки (вчера он познакомился с двумя кенийками), а он пойдет искать встречи с какой-то дикар-

кой? Ну уж нет! Пусть Кара остается в его юношеских воспоминаниях, именно там ей место...

Так он уговаривал себя целый день. Но в десять вечера, несмотря ни на что, приплелся к пирсу. Кара была там – танцевала перед десятком курортников. Та самая КАРА. Дерзкая маленькая чертовка с глазами серны. Она почти не изменилась. Повзрослела, конечно, но не настолько, чтобы ее не узнать.

Она танцевала цыганочку, а не «Умиряющего лебедя». Так же бездарно, как раньше, но не так смешно. Вокруг нее вились ее маленькие чернявые сородичи, стуча в бубен, тряся кудрями, сверкая черными пятками. Когда выступление закончилось и подтанцовка кинулась собирать плату с зевак, Кара вышла на поклон с самодовольной, дерзкой физиономией уставшей от успеха примы. С этой же миной она приняла у Андрея деньги – он не стал давать их пацанятам, а протянул томно взвизгивающей на толпу Каре. Но когда он отошел, она бросила на него совсем другой взгляд: озорной, веселый. И он понял, что она его узнала.

Подбодренный этим взглядом, Андрей собрался заговорить с девушкой, но она громко рассмеялась, оттолкнула его и бросилась бежать. А за ней, громко вереща, кинулись ее оруженосцы.

– Их табор у горной речки стоит, – сказал один из зрителей своей подруге. – Помнишь, мы ходили рассвет встречать, а вдалеке костры горели? Это были цыгане...

– Их в город не пускают, – включился в разговор еще кто-то. – Говорят, они наркотиками приторговывают... Да и вообще... Воруют, попрошайничают, грязь разносят. Не место им в курортной зоне!

– А я слышал, что их девушки проституцией занимаются...

– Да нет, они не по этой части! Кому такие грязнули нужны?

В обсуждение этой темы включились еще несколько человек, но Андрей не стал принимать в нем участие, он отделился от толпы, направившись в ту сторону, где, по его разумению, протекала речка, рядом с которой разбили свой лагерь цыгане. Вдруг он понял, что очень хочет видеть Кару. Хотя бы видеть, а там... Там будь что будет!

Цыганское стойбище он нашел довольно быстро. Еще издали он увидел яркое пятно костра. А подойдя ближе, разглядел палатки и людей, сидящих на земле. Они что-то ели, хлебая ложками из котелка, висящего над огнем. Андрей не увидел у костра ни одного взрослого мужчины, только женщин и детей (как потом оказалось, мужчины уже поели и отдыхали в палатках), но Кары среди них не было.

– Эй, красивый! – окликнула Андрея одна из цыганок. – Тебе чего?

– Ничего... Просто мимо шел...

– Да ты не стесняйся! Если дури надо, так и скажи...

– Нет, не надо, спасибо, – пробормотал Андрей, чувствуя себя полным идиотом. – Я правда мимо шел...

Тут с земли поднялась низкорослая усатая цыганка с бутылкой красного вина в руке и, каркнув что-то на родном языке той, что предлагала дури, подошла к Андрею.

– Я знаю, – заговорила она почти без акцента, – чего тебе нужно... Ты к моей дочери пришел.

– Нет, вы ошибаетесь.

– Ее Карой зовут. Ты ведь к ней?

– А откуда вы...

– По глазам вижу! Те, кого моя Кара околдовала, совсем по-другому на мир смотрят... – Она широко улыбнулась, обнажив плохие зубы, затем сделала большой глоток из бутылки, вытерла рот рукавом грязной кофты, рыгнула. – Вся в меня пошла, зараза! Я такой же была... Нет, я была лучше! Я петь умела, танцевать, в ансамбле выступала... Однажды меня чуть в кино не сняли... – Она опять рыгнула, и Андрей понял, что женщина изрядно пьяна. – А девка моя в папашу своего пошла – ни петь, ни танцевать!

– Кем он был, ее отец?

– Черт его знает! Моряком вроде... Он не наш. Русский. Влюбился в меня, жениться хотел, да я не пошла... Зря, наверное! Меня, когда узнали, что я брюхатая, из ансамбля выгнали... Помотаться пришлось, пока своих нашла... Я ж из табора девочкой сбежала. Артисткой стать хотела. – Она залпом допила вино, швырнула бутылку в кусты. Постояла, по-

качиваясь, несколько секунд, потом спросила: – А тебе чего от девки моей надо?

– Так... Поговорить.

– Да ладно врать-то! Скажи, что конкретно хочешь! Она все подряд не делает.

– В смысле? – не понял Андрей.

– На анальный и групповой можешь не рассчитывать, – с цинизмом бывшего сутенера выдала мамаша. – А чисто потрахаться – это пожалуйста!

Андрею стало противно. Он никогда не слышал из уст матерей таких предложений. Но пьяная цыганка не отставала:

– Ну так что? Берешь девку на ночь? Или тебе часа хватит? – Она цепко ухватила за его локоть. – За час десятка. За ночь тридцать... Если у тебя, конечно, есть баксы... В рублях дороже будет...

Баксы у Андрея были. Он вытащил из портмоне пятьдесят долларов, брезгливо сунул их цыганке и спросил нетерпеливо:

– Где Кара?

– Обожди минутку...

Она обернулась и крикнула что-то мальчишке, играющему с собакой возле палатки. Тот оттолкнул пса и нырнул в брезентовое убежище. Через минуту из его нутра показалась еще более взлохмаченная, но по-прежнему украшенная цветком (уже подвядшим) голова Кары. Мать жестом подозвала дочь к себе, а когда та подошла, шепнула ей на ухо

несколько слов, после чего удалилась к костру.

Оставшись наедине с Карой, Андрей заговорил:

– Я заплатил твоей матери за всю ночь, так что можем гулять до утра. – Он смущенно улыбнулся. – Куда бы ты хотела пойти?

– К тебе домой, – спокойно ответила она. – Там нам будет удобнее...

– Удобнее? – тупо переспросил Андрей.

– Ну да... Я не люблю делать *это* на пляже... Там жестко и холодно...

– Ты часто *это* делаешь?

– Редко. Только с теми, кто мне нравится. Я сама выбираю, с кем спать... – Она потянула его за руку. – Ну что, пошли? Если не хочешь вести меня к себе домой, давай пойдем на «Поляну любви» – там все *это* делают.

– Может, просто погуляем?

– Как это «просто»? Ты заплатил пятьдесят долларов за прогулку?

– Я... Я... – Он досадливо поморщился. – Я не привык так... Это отвратительно... Покупать любовь.

– Любовь не купишь, – покровительственно улыбнулась она. – Купить можно только секс.

– Да, наверное, но я не собирался... Я просто хотел увидеть тебя. Ты не обязана...

Он запнулся, а Кара заполнила паузу переливчатым смехом.

– Почему ты смеешься? – спросил Андрей.

– Я смеюсь над тобой. Ты такой глупый...

Сказав это, она счастливо улыбнулась, схватила его за руку и побежала прочь от лагеря. Когда огонь костра стал далеким, Кара остановилась, развернулась к Андрею, тесно прижалась к нему всем своим тонким телом, будто хотела приклеиться, и зашептала:

– Неужели ты еще не понял, глупый, что с тобой я согласилась бы и задаром? Я выбрала тебя... Давным-давно выбрала. Пять лет назад я решила, что ты будешь моим... Я знала, что мы встретимся. И мы встретились.

– Я искал тебя...

– Меня нельзя найти. Меня можно только случайно встретить.

– Ты знала, что я приду?

– Да... – Она нежно поцеловала его в шею. Для этого ей пришлось встать на носочки. – Я чувствовала... А еще Зара мне нагадала...

– Нагадала?

– Вчера она сказала, что совсем скоро я повстречаю свою судьбу... Я сразу поняла, что вновь увижу тебя... – Кара зарылась носом в вырез его рубашки. – Как здорово от тебя пахнет... Именно так, как я думала – морем и ветром...

Андрей подивился ее догадливости – от него действительно пахло морем и ветром, а именно лосьоном после бритья «Storm Force» (что-то вроде «Сила шторма»). Зато от нее

костром, пылью, грязной одеждой и чуточку диким жасмином (очевидно, именно его цветки украшали ее волосы). При этом запаха пота и немытого тела он не почувствовал. Наверное, она только недавно искупалась в горной речке...

– Ты хочешь меня? – неожиданно резко спросила Кара.

– Да, – не задумываясь, ответил Андрей. – Я очень тебя хочу...

– Тогда чего ты медлишь?

С этими словами она сорвала с себя блузку, молниеносно выскользнула из юбки и осталась совершенно голой. Тело у нее оказалось на удивление зрелым и очень гармоничным: узкие, но округлые бедра перетекали в тонкую талию, а груди были похожи на два спелых яблочка.

– Ты очень красивая, – хрипло пробормотал Андрей.

Она с достоинством кивнула, принимая комплимент.

– Похожа на статуэтку...

Глаза Кары сверкнули, как у кошки, она шагнула к Андрею, обвила руками его шею. Он прижал ее к себе, ощутив каждой клеточкой своего тела ее жар, ее нетерпение и желание.

Рубашка мешала – он сорвал ее. Вырванные с корнем пуговицы рассыпались в разные стороны. Брюки, ботинки, носки, трусы полетели в темноту.

Кара запрыгнула на Андрея. Как обезьянка вскарабкалась по его длинному телу, чтобы удобнее было терзать его рот. Неумело присасываясь, кусаясь, стучаясь своими зубами об

его, она стонала и бормотала что-то на своем языке. Когда же его губы заболели от ее поцелуев, Кара сползла вниз, упала на спину, протянула к нему руки и прошептала:

– Иди ко мне!

Андрей не знал, сколько времени прошло, прежде чем он смог от нее оторваться. Часа два, не меньше. Да и оторвался только потому, что стало прохладно от росы и пришлось одеться.

Напялив на себя свое тряпье, Кара, как кошка, свернулась на коленях Андрея, обхватила его талию руками и задремала. Пока она спала, он прислушивался к собственным ощущениям. Они были новыми, странными, пугающими. То, что ни с одной женщиной ему не было так хорошо, Андрея удивляло меньше всего – он подозревал, что именно так и будет. А вот почему к чувству глубокого удовлетворения прибавилось еще что-то, нежное, щемящее, он не понимал... Что это за чувство, от которого так сладко ноет сердце? Неужели любовь? Но почему именно к НЕЙ? К этой дикой, немойтой, необразованной девчонке, пахнувшей гарью и пылью? Почему не к другой, утонченной, холеной, успешной? Их так много было в его жизни...

– Ты жалеешь? – услышал Андрей чуть хриплый ото сна голос Кары.

– О чем?

– О том, что полюбил меня?

– Мы один раз переспали...

– Три!

– Хорошо, три, – раздраженно согласился он – его пугало, что она читала его мысли. – Три раза переспали, а ты уже говоришь о любви! Не рано?

– Одного раза достаточно, чтобы полюбить. Остальные два, чтобы проверить, правильно ли сделал выбор... – Она привстала, заглянула ему в глаза. – Ты думаешь о том, что я не та, которая тебе нужна. Я совсем тебе не подхожу! Я другая! Из-за меня у тебя могут быть проблемы...

– Откуда ты можешь знать, что я думаю?

– Я думаю о том же... – Кара опять опустилась на его колени. Широко раскрытыми глазами посмотрела в небо. – Я ругаю себя. Уговариваю. Клянусь себе, что забуду тебя... Мне надо было полюбить своего. Цыгана. Родить ему детей. Как делают все наши... Надо было сделать это еще два года назад, когда ко мне сватались...

– А теперь не сватаются?

– Нет. Для всех я шлюха. Чокнутая шлюха, которая отвергает своих, но спит с чужаками за деньги... – Она сжала его локоть. – Но я спала только с теми, кто хоть чуть-чуть напоминал мне тебя... Я боялась, что не дождусь!

Выпалив это, Кара уткнулась носом в живот Андрея и едва слышно произнесла:

– Я завтра уезжаю из города, и ты меня больше не увидишь...

– Уезжаешь? Одна?

– Нет, со всеми... У нас неприятности с э-э... – она не могла подобрать нужного слова.

– С властями?

– Да. Один человек сказал Заре, что, если мы не уедем сами, нас выкинут из города... – Ее начала бить мелкая дрожь, и Андрей приподнял ее за плечи, обнял, чтобы согреть. Прижавшись холодным носом к его шее, Кара зашептала: – Так что не переживай сильно. Судьба нас свела, она и разведет... Ты больше меня не увидишь... Когда не видишь, легче забыть.

– Я не хочу забывать тебя... – хрипло проговорил он. – И не хочу с тобой расставаться.

– Придется – ты же не можешь поехать с нами...

– А ты? Ты не можешь остаться? – Андрей отстранил ее, чтобы посмотреть прямо в глаза. – Останься со мной...

– Нет.

– Я сниму тебе квартиру. Буду обеспечивать... У меня есть деньги – я помогаю отцу в работе... У нас свой строительный бизнес, так что ты ни в чем не будешь знать отказа...

– Меня не отпустят так просто. Мать не позволит. Она сама когда-то сбежала из табора, и ничего хорошего из этого не вышло. Когда она вернулась с прижитым от чужака ребенком, ее приняли, но перестали уважать... И замуж никто не хотел брать. Только старый Миро согласился. И то потому, что ни одна за него не шла – он свою первую жену до смерти

забил, а вторую довел до помешательства...

– Зачем же твоя мать за него пошла?

– Кто-то должен был о нас заботиться...

– А где этот Миро сейчас?

– Умер три года назад.

– От чего?

– От злости! Когда мать бил, задохнулся – он ведь уже старый был...

– И кто же теперь о вас заботится?

– Я, – спокойно ответила она.

– Почему ты, а не твой брат? Тот, которого ты когда-то обстреливала камнями?

– Он погиб еще до Миро. Его менты забили дубинками, когда он бутылку пива с лотка украл... – Кара тихонько шмыгнула носом. – Мать много пьет. Особенно после того, как Миро умер... Он раньше ей запрещал – у нас нет такого, чтобы женщина пила, а теперь запрещать некому, вот она и сорвалась... Так что я теперь обо всех забочусь. Всех кормлю, пою... Зарабатываю везде, где можно. Танцую, на бубне играю, гадаю... – Она замялась. – Иногда сплю с мужчинами за деньги. Но это редко, ты не думай...

– И тебе такая жизнь нравится?

Она пожала плечами:

– Какая разница, нравится или нет? Я другой не видела...

– Так посмотри! Вместе со мной.

– Если я убегу, мать меня проклянет! – горячо восклик-

нула Кара. – И тебя тоже! Ты хочешь жить с цыганским проклятием?

– Мне плевать!

– Нет, на это нельзя плевать! Это серьезно, – испуганно зашептала она. – От него и ты пострадать можешь, и дети твои...

– А если я уговорю твою мать? Тогда останешься?

– Ты не сможешь ее уговорить...

– А если смогу?

– Тогда... Тогда... – Кара резко вскочила на ноги, тут же рухнула на колени, вцепилась в плечи Андрея и, захлебываясь смехом, выкрикнула: – Я за тобой... хоть в огонь... хоть на край света!

Он поцеловал ее в смеющиеся губы и сказал:

– Идем к твоей матери! Только сначала мне надо сбегать домой. Посиди тут, я скоро...

Он вернулся к Каре через час. Еще через полчаса предстал перед мутными очами ее матери. И уговорил ее отпустить дочь с ним. Согласилась та не сразу. Андрею пришлось выслушать тирады брани, увидеть море фальшивых пьяных слез. Но когда он бросил к ногам цыганки десять пачек по тысяче долларов, она заткнулась. И благословила дочь. Вместе с благословением Кара получила приданое: два сценических платья своей матери, старый бубен, колоду карт и амулет гадалки Зары. Сложив все это добро в матерчатый мешок

и прихватив свидетельство о рождении (семнадцатилетняя Кара не имела паспорта), она ушла из табора. Ушла, ни разу не оглянувшись на затухающее пламя костра – она решила, что больше туда не вернется... Ни за что! Она не повторит ошибок своей матери. Даже если Андрей ее бросит – хоть завтра, хоть через год, хоть беременную, хоть с двумя детьми – она все равно не вернется в табор! Ушла так ушла – пути назад нет...

– Пути назад нет, – тихо сказал Андрей, обняв Кару. – Ты это понимаешь?

– Да.

– Ни у тебя, ни у меня.

– И что мы будем теперь делать?

– Я пока не решил... – Он сжал ее плечо. – Но ты не волнуйся, я что-нибудь придумаю... Денег у меня сейчас нет, я все отдал твоей матери, но я могу занять... Мы снимем комнату, пока проживем в ней, а там... Там поглядим...

Андрей замялся, он сам не знал, что будет потом. В одном был уверен – его семья ни за что не примет Кару. Они будут в ужасе от его выбора! Как же! Их красивый, умный, перспективный внук, сын, брат, племянник связался с оборванкой. И ладно бы просто с девочкой из малообеспеченной семьи, а то ведь с цыганкой из табора! Грязной, нечесаной, босой! Такая не пара их Дюсику...

Не пара. Андрей это понимал. Более того, он думал так же. Но ничего не мог с собой поделать – жизнь без КАРЫ ка-

залась ему теперь пустой, серой, безрадостной... Не жизнь, а смерть! И его родные должны это понять.

Понять и принять.

– Я хочу познакомить тебя со своей семьей, – решительно сказал Андрей. – Иди умойся, расчеши волосы, стряхни пыль с юбки...

– Прямо сейчас? – испугалась Кара.

– Чем скорее, тем лучше!

Кара поняла, она сосредоточенно кивнула и унеслась к речке умываться.

Вернулась она через десять минут вся мокрая. Сырыми были волосы, одежда, кожа. Вода капала с ресниц, носа, подбородка, Кара стряхивала ее своими тонкими пальчиками и смеялась...

– Ты зачем в одежде в реку полезла?

– Мы всегда так купаемся... – Она свернула волосы в узел, выжала их. – По дороге все на мне высохнет... Не беспокойся. А теперь пошли!

Пока они брели через весь город к особняку тетки, одежда действительно высохла, как и волосы. Кара пригладила их щербатой расческой, украсила ярко-розовым цветком, сорванным в палисаднике какого-то дома. Умытая и причесанная, свежая, персиково-румяная, нежная, яркоглазая, похожая на маленького эльфа, она робко ступила на порог двухэтажного особняка.

Андрей отпер дверь, взял Кару за руку и ввел ее в про-

сторную столовую, где за завтраком собралась вся семья. Когда лица жующих родственников повернулись в его сторону, сказал по-русски, чтобы и Кара поняла его:

– Это Кара, моя невеста. Знакомьтесь.

Услышав эту новость, Марианна нервно рассмеялась, мама недоуменно приподняла брови, отец нахмурился, бабушка покачала головой, тетка выронила ложку, Гурген с Федором обменялись гримасами. Никто из них не поверил в серьезность его заявления.

– Это не шутка, – предупредил Андрей. – Я люблю Кару и хочу с ней жить.

– Где? – хрипло спросил отец, сумрачно посмотрев сыну в лицо.

– Я думал для начала снять комнату... Потом, когда вернемся в Абхазию, квартиру...

– Зачем снимать комнату, если у тебя в этом доме есть отдельная спальня? – рассудительно сказала бабушка по-армянски. – Или ты думал, что тебя выгонят отсюда только потому, что ты влюбился не в ту девушку, которую мы хотели бы видеть рядом с тобой? Плохо же ты знаешь своих родных... – Она строго глянула на обалдевшую хозяйку дома. – Ну что ты, Каринэ, расселась? Не видишь, у нас гости! Поставь еще одну тарелку – девчонка, наверное, голодная...

– Нет, спасибо, я сыта, – возразила Кара на плохом, но понятном армянском.

– Ты знаешь язык? – удивилась бабушка.

– Немного...

– Девочка не так уж безнадежна! – улыбнулась старушка. – Она владеет тремя языками: своим, нашим и русским.

– Я еще по-итальянски говорю. Вернее, пою. Хотите послушать?

И не дожидаясь ответа, заголосила «Соле мио». Пела она так же, как и танцевала, то есть ужасно. Но ее старания вызвали доброжелательную улыбку бабушки Бэлы Ашотовны, а это многого стоило – в семье Караян она была непререкаемым авторитетом.

– Что еще ты умеешь? – спросила бабушка, когда песня закончилась.

– Хотите, я для вас станцую?

– Только не «Умиряющего лебедя», – нервно рассмеялась мама. – Ведь это вы когда-то его танцевали на набережной?

– Я.

Отец удивленно воззрился на Кару и протянул:

– А я-то думаю, откуда мне ее лицо знакомо... – Он покосился на сына. – Значит, с тех пор у вас... любовь?

– Да, – твердо ответил Андрей. – И я надеюсь, что ты как мужчина меня поймешь.

– Как мужчина понимаю: она красивая, страстная, экзотичная, но как отец – нет... Ты совершаешь глупость! Тебе вообще еще рано думать о браке, пусть и гражданском! Ты только на третий курс перешел!

– Я доучусь!

– Да она тебе к диплому троих народит – у них, у цыган, это принято! – начал кипятиться отец. – В тридцать станешь отцом-героем, в сорок дедушкой!

Тут в спор вступила тетка:

– Да о чем ты вообще говоришь! Папа-дедушка! Они разбегутся через месяц! Дюся наш наиграется и бросит ее!

– Ну и зачем тогда глотку драть? – иронично сказала бабушка, перейдя на греческий – по матери она была гречанкой и научила этому языку своих детей. – Дайте ему месяц. Пусть мальчик поиграет...

– Что ты такое говоришь, мама? Неужели ты не видишь, кого он привел? – по-гречески же ответил отец.

– Очень милую девочку. Мне она нравится. – Бабушка ласково улыбнулась ничего не понимающей Каре. – Красивая, искренняя, и Андрея нашего любит.

– Она бродяжка! – яростно прошептал отец. – Я не удивлюсь, если у нее вши!

– Вшей выведем, это не проблема!

– Мама, я тебя не узнаю, – пораженно прошептала тетка. – Моего Гарика ты видеть не хотела. Тебе не нравилось, что он азербайджанец, не нравилось, что ресторанный певец, не нравилось, что разведен! Ты говорила, что он голодранец, дешевка, пьянь, что он меня не достоин! Ты выгнала его, а мне запретила с ним видаться!

– И чем все кончилось? Ты сбежала с ним в Ростов! Вышла за него замуж, родила Федьку! А потом не знала, как

от мужа своего, пьяницы и дебошира, отделаться! Спасибо Карэну, увез тебя от него, беременную Гургеном, иначе муженек забил бы тебя до смерти! – Она в сердцах махнула морщинистой рукой. – Вот до чего запреты доводят! Не давила бы я на тебя, глядишь, ты бы сама поняла, какой твой Гарик выродок, и не было бы в твоей жизни этого ужасного брака!

Андрей не очень хорошо понимал суть спора – он совсем плохо говорил по-гречески, но уяснил одно: бабушка на его стороне. От этого ему сразу стало спокойнее. Он знал, что к ее мнению прислушиваются все, в том числе отец. Он даже женился с ее благословения. Взрослый, самостоятельный, бывалый Карэн, он же Барс, гроза абхазской братвы, ни за что не привел бы в дом женщину, которая не понравилась его матери. Бэла Ашотовна подняла троих детей в одиночку (муж ее погиб в сорок пятом под Берлином), многим ради них пожертвовала, и они, все трое, безмерно ее уважали. А младший, Карэн, мать просто боготворил...

– Меня, между прочим, ваш отец тоже с черного хода в дом привел, – вновь заговорила бабушка. – Он был профессорским сынком, а я прачкина дочка.

– Мама, ты ходила в обуви и умела читать, – попыталась спорить тетка. – А эта дикарка, как пить дать, не знает алфавита...

– Зато я не умела пользоваться ножом, не знала, кто такой Шиллер, не разбиралась в искусстве, за столом рыгала,

ковыряла в зубах, сморкалась. От меня семья Ованеса плакала! Но Караяны были интеллигентными людьми, они не выказывали своего превосходства, более того, они помогли мне стать лучше... Благодаря им я получила высшее образование, стала настоящей леди.

– Почему же они выгнали вас из своего дома перед войной? – подала голос Марианна, она хорошо владела греческим и все понимала.

– Ради нашего блага. Они знали, что обречены... У папы Ованеса было много врагов, в итоге на него кто-то написал донос. – Бэла Ашотовна аккуратно промокнула глаза чистым платочком, вынутым из-за рукава. – Его посадили, потом расстреляли. Свекровь моя умерла в лагерях. Нас с Ованесом это не коснулось, быть может, потому, что мы перебрались из Ленинграда, где жили, в Сухуми. Там нас не достали...

– Мама, может, хватит лирических отступлений? – рявкнул Карэн. – История нашей семьи не имеет никакого отношения к цыганке, которую привел в дом мой сын...

– Пусть поживут, сынок, – мягко перебила его бабушка. – Читать, писать научим, оденем, причешем, а там посмотрим... Вдруг эта девушка создана для него богом? Вдруг она его судьба?

– Кара она его, а не судьба! Ну ладно, пусть живут! Только если завшивеешь, не жалуйся – сама ввела в дом эту бродяжку! – Отец резко встал из-за стола и обратился к сестре

по-русски: – Дай девушке полотенце, мочалку, зубную щетку и что там еще нужно... А ты, – он ткнул пальцем в грудь сыну, – покажи ей вашу комнату. Обед в два, просьба не опаздывать! И еще... – он вытащил из нагрудного кармана рубашки кошелек, достал несколько купюр, сунул их Марианне: – Купи девушке какой-нибудь одежды на твой вкус. И запиши ее к парикмахеру...

Пока он раздавал распоряжения, бабушка склонилась к Каре и тихо-тихо спросила:

– Те десять тысяч, которые я вчера дала Андрюшке, куда пошли?

– Он отдал их моей матери.

– Калым, значит, заплатил... Ну в точности как его дед! – Она тяжело поднялась с кресла, опершись на свою клюшечку, поковыляла к двери. – Пошли, молодежь, я вас провожу... А ты, Карэнчик, – бросила она на греческом, – помняи мое слово – через месяц-другой они поженятся...

– Типун тебе на язык, мама!

– Вот увидишь!

Бэла Ашотовна, как всегда, оказалась права – спустя шесть недель (ровно столько делали паспорт Каре) молодые люди поженились.

Глава 3

Лето. Адлер 200... год. Каролина

Каролина проснулась от крика. Это орал Гриня из Ростова, ее жилец с первого этажа. Орал он каждое утро то на жену, то на детей, то на соседей и вечно требовал от своей бессловесной супруги горячего обеда. Даже на завтрак. Из-за чего бедняжка, вместо того чтобы загорать на пляже, все дни простаивала у плиты, выбираясь на море только под вечер.

Гриню Каролина терпеть не могла, его супруга ее раздражала (она не понимала, как можно позволять так с собой обращаться), дети приводили в ужас своей наглостью, поэтому она считала дни до их отъезда. К счастью, оставалось всего три, а там в просторную четырехместку въедет кто-то другой. Пока же приходилось терпеть ор постоянно голодного Грини, вечное присутствие на своей кухне его жены, а также вороватость детей, которые тащили все, что плохо лежит, начиная от чужих газет и заканчивая курагой в хозяйской кладовке. Конечно, не факт, что другие жильцы будут лучше, но Каролина очень на это надеялась.

– На обед хочу борща и плова, – донесся до нее грубый голос Грини. – И ватрушки испеки. С творогом. А то я уже задолбался детям на пирожные отстегивать!

Услышав это, Каролина вскочила с кровати, подбежала к окну, высунулась в него по пояс и сердито крикнула:

– Никаких ватрушек! Вы и так у меня весь газ израсходовали! Он у нас, между прочим, привозной!

– А мне по фигу! Я за хату тебе большие деньги плачу!

– А за газ не платишь, так что, если хочешь ватрушек, гони еще пятьсот рублей!

– Скока?

– Стока! – рыкнула она. – Я каждый баллон за штуку беру, а вы уже половину его израсходовали!

Проорав это, Каролина захлопнула ставни и размашистой походкой направилась в коридор, где располагался общий туалет. Несмотря на то что она старалась не сдавать второй этаж, чтобы оставить свое пространство неприкосновенным, иногда приходилось поступаться принципами и пускать жильцов в смежную со своей комнату.

А все из-за денег! На работе получала она до смешного мало, даром что трудилась диджеем на Сочинском радио – вела вечерние выпуски с пятницы по воскресенье. Еще Каролина иногда принимала участие в показах моды, изредка «калымила» на своей сильно подержанной «копейке», но на достойную жизнь все равно не хватало. И беда была в том, что содержать приходилось не только себя, но и старый дом, доставшийся от мамы. А в нем то крыша текла, то водопровод, то стены прогнивали, то пол. Соседи давно старые халупы сломали, возведя на их месте современные коттеджи, а она все латала свою развалюху. А все потому, что жила одна и помощи ждать было неоткуда: отец ушел от них дав-

ным-давно, мама умерла восемь лет назад, а старшая сестра уехала за границу в поисках лучшей доли. Она и Каролину с собой звала, да младшенькая не поехала. Не поехала по двум причинам: во-первых, покидать родной Адлер не хотелось, во-вторых, не разделяла уверенности сестры в том, что за бугром будет лучше, чем дома. «Где родился, там и пригодился», – именно так она считала...

Каролина быстренько умылась, взъерошила свои короткие темные волосы и вернулась в комнату, чтобы одеться. Голубые джинсы и белая маечка, которые она приготовила с вечера, аккуратно лежали поперек стула. Она взяла вещи, натянула на себя, шагнула к зеркалу. Джинсы сидели идеально на ее стройной фигуре, а вот майка не очень – бюст у Каролины был стыдного для взрослой женщины нулевого размера, поэтому в том месте, где у других имелась ложбинка, у нее не было и намека на какую-либо пышность. К счастью, особых комплексов Каролина из-за этого не испытывала, но все же не отказалась бы хотя бы от первого размера, не говоря уже о втором...

В кого она, интересно, уродилась такой костлявой? Мама ее была очень упитанной женщиной, сестра тоже не худышка, а вот Каролина при росте сто семьдесят пять весила пятьдесят пять килограммов. «Идеальная вешалка», – так про нее говорил постановщик показов Сочинского театра моды и приглашал на все дефиле. Каролина приглашения принимала, но о карьере манекенщицы не мечтала даже в ранней

юности, знала, что большого успеха не добьется, а быть безликой вешалкой не хотелось. Вот если бы господь дал ей такое лицо, как сестре, тогда да...

Но Каролина на нее была совершенно не похожа. Она была миленькой, но и только, а вот Даша уродилась настоящей красавицей. В детстве она походила на хорошенькую германскую куколку с огромными синими глазами и черными кудряшками, в юности – на маленькую восточную принцессу. В зрелости (если можно назвать зрелостью двадцатилетие) – на голливудскую диву Элизабет Тейлор – у нее было такое же точеное лицо, такая же грива волос, такие же пронзительные глаза и такая же пышная фигура. Пожалуй, чересчур пышная, чтобы быть красивой. Но Дашка не хотела худеть. Она слишком любила поест, поваляться на диване с глупейшим любовным романом, полениться, понежиться, зато терпеть не могла спорт и диетические салатики. Если бы не это, Дашка могла бы стать успешной моделью – к ней постоянно подходили на улице с предложениями принять участие в фотосессии, в конкурсе красоты, в модном показе. Единственное, что требовали, так это сбросить десять килограммов. Но Даша на такой подвиг была не способна, поэтому оставалась простой официанткой – в отличие от младшей сестры она не была честолюбивой.

Как и разборчивой...

Алики, Арики, Артурики – кого только у нее не было! Все рестораторы, у которых она работала, рано или поздно ста-

новились ее любовниками. Обычно рано, так как ее красота и пышнотелость сводили их с ума, а ее безотказность сокращала период ухаживания. Одно романтическое свидание на даче работодателя – и все! Утром она уже просыпалась в статусе любовницы. И пребывала в нем, пока ей не надоедало спать с одним и тем же мужиком. Потом она увольнялась с обеих должностей (любовницы и официантки), искала другую работу, находила, падала в кровать нового босса и так до окончания курортного сезона. За лето она обычно меняла от трех до пяти ресторанов и рестораторов, а зимой впадала в анабиоз: много спала, много ела, много читала, а если и заводила романы, то с сантехниками, которых цепляла, не выходя из дома...

Нечестолюбивая, неразборчивая, непрактичная. Все деньги, которые Даша зарабатывала, а зарабатывала она неплохо (на чай ей давали больше, чем другим), тут же тратила на всякую ерунду. На глупые любовные романы, на деликатесы, на безвкусные, совершенно ей не шедшие тряпки, на безделушки для дома, в которых не было нужды. Подарки она тоже не умела выбирать – то, что ей дарили любовники, было непрактично, глупо, неактуально. Дикие пеньюары, кои она надевала по разу, моментально вядшие охапки цветов, ненужные норковые горжетки, шелковые покрывала, смотревшиеся в их хибаре просто смешно... И это при том, что в их доме тек унитаз, холодильник дышал на ладан, а телевизор показывал лишь две программы. Зимой же они про-

сто считали гроши. В отличие от нормальных хозяек, откладывающих деньги на мертвый сезон, Даша Ларина спускала все до Нового года. А после продавала ту ерунду, которую за лето ей надаривали любовники.

Так продолжалось до тех пор, пока Каролина не окончила школу. Отучившись, она устроилась на работу – курьером на радио. Платили там мало, но зато круглый год. Она и сестру хотела пристроить, но Дашу «ломало» вставать каждое утро в шесть и тащиться на маршрутке в Сочи. Уж лучше поваляться в кровати с романчиком Барбары Кортланд!

Через год Каролина поступила в институт туризма и гостиничного бизнеса. На заочное отделение. Деньги на обучение заработала сама – вечерами торговала на набережной сувенирами, ночами демонстрировала коллекции нижнего белья и купальников в ночных клубах.

В двадцать стала редактором молодежной музыкальной программы.

В двадцать один радиоведущей.

В двадцать два окончила институт и чуть не уехала в Лазаревское. Там ей предложили место администратора одного из вновь возведенных отелей. Но не уехала, так как Даша неожиданно решила рвануть за границу, а дом оставить было не на кого.

Каролина тогда сильно удивилась, узнав о планах сестры. Даша, которая ни разу в жизни не выезжала за пределы Краснодарского края, надумала покинуть страну. И ладно бы от-

дышать ехала, а то работать! Все той же официанткой, только в Швеции. И за хорошие деньги... Слишком хорошие, чтобы поверить в то, что их действительно заплатят. Но Даша, в отличие от Каролины, верила!

«Заработаю тысяч двадцать, – мечтала она вслух. – Вернусь – дом перестроим. Водопровод на второй этаж проведем. А в саду выроем маленький бассейн!»

С мечтами о бассейне она и уехала.

Первые три месяца от нее не было ни слуху ни духу. Потом Каролина получила открытку, в которой Даша написала, что жива, здорова, работает, когда придет, не знает. Открытка почему-то была прислана не из Швеции, а из Египта, но Каролину это не насторожило. Волноваться она начала тремя месяцами позже, когда сестра не вернулась домой, несмотря на то что срок контракта уже истек. Однако вскоре Даша позвонила и успокоила: сказала, что теперь живет в Египте, работает горничной в отеле, встречается с хорошим человеком из местных, за которого, быть может, выйдет замуж. На вопрос: «Когда приедешь?» – ответила: «Не знаю! Как надоест!»

Это был предпоследний звонок от сестры. А последний прозвучал сегодня ночью. И разделяли их два с лишним года, за которые Даша прислала только две открытки к дню рождения сестры. За это время Каролина отвыкла от звука Дашкиного голоса, наверное, поэтому не сразу узнала, с кем говорит:

– Кто это? – спросила она, услышав в трубке «Привет, Каролина».

– Это я. Ты что, сестренка, не узнала меня?

– Даша? Даша, это ты? – Каролина вскочила с кровати и заметалась с телефоном по комнате. – Боже! Я так рада тебя слышать! Где ты?

– Здесь.

– Где «здесь»? В России?

– В Адлере.

– Да ты что! – Каролина от неожиданности чуть не выронила трубку. – Но почему ты не предупредила меня, что приедешь? Я бы встретила...

– Я все потом объясню... Не по телефону.

– Ты где остановилась? Скажи мне, я сейчас же приеду!

– На Ленина. Дом прямо за телеграфом. Квартира восемьдесят. Но сейчас приезжать не надо...

– Ты не одна?

– Пока одна, но ко мне должны прийти с минуты на минуту...

– Мужчина?

– Да.

– Твоей мечты?

– Нет, это деловая встреча.

– Тогда, быть может, я не помешаю? – заканючила Каролина – она безумно соскучилась и хотела видеть сестру незамедлительно. – Я могу тихо посидеть в кухне...

– Нет, мы встретимся завтра, – решительно сказала Даша. – Созвонимся и встретимся.

– Я звякну утром – у меня определился твой номер.

– Хорошо. Тогда до завтра, сестренка.

– Я люблю тебя, Дашка, – пробормотала Каролина и ни с того ни с сего расплакалась.

– Я тоже тебя люблю, – тихо сказала сестра и отключилась.

Вспомнив ночной разговор, Каролина кинулась к телефону. Сейчас половина девятого утра, наверняка Даша уже давно решила все деловые вопросы и, скорее всего, спит, накрыв голову подушкой – она с детства любила зарываться под нее – и ее трудно будет разбудить. Звук звонка не дойдет до ушей через толстый слой пуха и перьев.

Как Каролина и предполагала, сестра трубку не взяла. Решив дать Дашке еще час на сон, она спустилась во двор, чтобы прибраться на летней кухне – Гриня и его семейка оставляли после себя кучи мусора. Игнорируя урну, они кидали обертки, салфетки, огрызки прямо под стол.

Через час она вновь позвонила. И опять Дашка не подошла к телефону.

Каролина швырнула радиотрубку на кровать и, сунув ноги в шлепки, вылетела из комнаты. Легче добежать до дома, где теперь живет сестра, и попытаться достучаться в дверь, чем названивать – у нее, может, звук телефонного звонка приглушен или сам аппарат стоит где-нибудь в ванной... Либо Дашки вообще нет в квартире, такое тоже вероятно! Тогда

можно подождать на лавочке. Или оставить записку в двери...

От их дома, расположенного в районе рынка, до телеграфа было пять минут езды, но «копейка» неделю назад сломалась, оставив хозяйку без колес, так что Каролина отправилась в путь на своих двоих, рассчитывая преодолеть это расстояние за четверть часа. Но так как она почти бежала, дорога заняла в два раза меньше времени.

Восьмидесятая квартира располагалась на последнем этаже. Лифт не работал, и Каролина пошла пешком по лестнице – бежать уже не было сил. Добравшись до верха, она сразу бросилась к заветной двери и позвонила.

Тишина. Ни шороха, ни звука.

– Дашка! Открой! – прокричала Каролина, надавив на звонок еще раз. – Это я, твоя сестра!

Ей вновь не открыли. Значит, Дашки действительно нет.

Каролина достала из кармана джинсов счет за телефон и захваченный в последний момент огрызок карандаша. Прислонив бумажку к стене, она накорябала: «Приходила. Не застала. Вернешься – сразу позвони!» После сунула записку между дверью и косяком. Та легко вошла. И не застряла, а поехала вниз – будто дверь была не заперта, а всего лишь прикрыта...

Недоуменно моргнув, Каролина толкнула ее.

Дверь подалась.

Дашка забыла запереться? Или в ее отсутствие кто-то

взломал замки? Если так, то сейчас в квартире могут орудовать грабители...

Каролина прислушалась, пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук, но в квартире стояла тишина. Тогда она шагнула в прихожую, схватила первую попавшуюся под руку тяжелую вещь (ею оказалась табуретка), занесла ее над головой и вбежала в единственную комнату.

В ней никого не было. Ни грабителей, ни Дашки.

Но о недавнем присутствии сестры в этой квартире говорили персиковые косточки, сваленные горкой на тумбочке, смятое покрывало на кровати, разбросанные вещи – Дашка не отличалась аккуратностью, зато обладала способностью за считанные часы превращать порядок в хаос. Выходит, она вчера приехала в город, сняла жилплощадь, позвонила Каролине и еще какому-то таинственному деловому партнеру, назначила тому встречу... Которая состоялась не в этой квартире, как планировалось, а где-то в другом месте. Быть может, это далеко, и оттуда долго добираться. Это объясняет отсутствие Дашки... но не объясняет того факта, что дверь не заперта. Сестра никогда не была забывчивой или чрезмерно рассеянной. Могла иногда зонт в маршрутке оставить или спалить кастрюлю с забытыми на плите макаронами, но чтоб бросить незапертую квартиру, где хранятся ее вещи, – такого никогда не бывало!

«Раньше не бывало, – поправила себя Каролина. – Но за три года многое могло измениться...»

Раздумывая над этим, она шагнула к чемодану, стоявшему у кровати. Добротный кожаный кофр с выдвигающейся ручкой выглядел очень дорого. Как и вещи в нем – Каролина достала несколько скомканных кофточек, все они имели модные лейблы. Значит, сестренка все же разбогатела в своей загранице. Интересно, каким образом? А впрочем, ясно каким – вышла замуж за состоятельного араба либо просто стала его содержанкой...

Чтобы решить этот вопрос, Каролина достала из дамской сумочки сестры документы. Если фамилия старая, значит, она содержанка, а коли новая (Рафат, Фаяд, Джабир?), тогда жена...

Фамилия оказалась новой. Но не арабской, а русской – Новикова. Самое же парадоксальное, что имя тоже было другое – не Дарья, а Елена. А еще отчество и дата рождения! Только фотография была старая – Даша, перед тем как уехать за границу, сделала у своего приятеля Армэна целую кучу про запас...

«Выходит, паспорт поддельный! – мелькнуло в голове Каролины. – У моей сестры липовая ксива. Как у какого-нибудь агента Интерпола или международного террориста...»

Она повертела паспорт в руках, пытаясь понять, насколько профессионально он сделан, но не смогла. Тогда плюнув на лжедокумент, Каролина взялась перетряхивать вещи сестры. Она сама не знала, что пытается найти (не оружие же или наркотики!), но этот обыск хотя бы отвлекал ее от пугающих

мыслей.

Каролина успела просмотреть только малую часть содержимого чемодана, когда взгляд ее упал на бурое пятно, застывшее на светлом линолеуме. Оно было небольшим, но контрастным, и она удивилась, как раньше его не заметила. Лизнув указательный палец, Каролина провела по пятну. Посмотрела на подушечку, на которой остался след. Понюхала. На краску не похоже. Как и на кетчуп – тот бы пах. Тогда что это?

Ответ пришел тут же, когда оказалось, что пятно не одно – на расстоянии полуметра обнаружилось еще одно, а дальше еще и еще, теперь уже через каждые пять сантиметров... Кровь, вот что это было! Капли крови, вытекшие из раны. Или из разбитого носа...

Каролина вскочила на ноги и двинулась по кровавому следу: через комнату в прихожую, на лестничную клетку, к лифту... У его двери бурая пунктирная линия оборвалась! Каролина долбанула по кнопке вызова лифта, но, вспомнив, что он не работает, бросилась к лестнице. Перескакивая через три ступеньки, кинулась вниз.

На площадке первого этажа было темно, и разглядеть на бетоне пятна крови Каролине не удалось. Зато на асфальте возле подъездной лавочки обнаружилась целая застывшая лужа, и раньше она ее не заметила только потому, что подошла к дому с другой стороны...

При виде этой лужи у Каролины закружилась голова. Она

представила, как истекающая кровью Дашка, зажимая рукой рану, выбегает из квартиры, спускается на лифте вниз, выходит из подъезда, падает на лавку, а потом... Исчезает! Поскольку больше крови нигде не видно...

Или это не Дашкина кровь? А ее делового партнера! С ним могло что-то произойти в ее квартире (что именно, и предположить страшно, так как из-за простого пореза не может открыться такое сильное кровотечение), и Даша помогла ему спуститься, положила на лавку, чтобы... чтобы открыть машину (он же наверняка приехал на автомобиле!). Она открыла ее, втащила мужчину внутрь и повезла в больницу. И домой она не вернулась, потому что сидит сейчас у его постели, а квартиру не заперла, поскольку не до того было...

«Как складно! – подумалось Каролине. – Как хорошо... И даже правдоподобно... Но почему-то не верится!»

Как только эта мысль сформировалась в голове, в сердце что-то кольнуло. *Что-то* – это дурное, пугающее, леденящее предчувствие беды. Нет, не предчувствие, а сознание, что она уже пришла, эта беда. И теперь только надо дожидаться известия о ней...

– Дочка, ты чего тут стоишь? – донесся до слуха участливый женский голос. – Плохо, что ли, тебе?

Каролина тупо уставилась на пожилую женщину, остановившуюся рядом с ней. Видела она плохо – перед глазами все плыло – да еще голова кружилась, поэтому она привалилась к забору, чтобы не упасть, и невнятно пробормотала:

– Все нормально...

– Батюшки! – ахнула женщина. – Нализалась уже! Что за молодежь пошла! В полдень уже вхлам! Мало того, что ночью шастают еле живые, так уже и днем от них покоя нет! – Она легонько толкнула Каролину в плечо. – А ну иди отсюда! Нечего тут мотаться! А то милицию позову...

Плохо соображая, что именно ей говорят, Каролина поплелась прочь от подъезда. На автомате обогнула дом и вышла к телеграфу. Не глядя на светофор, шагнула на дорогу...

Скрип тормозов ударил в уши и привел ее в чувство.

Каролина очнулась, огляделась. Оказалось, что она чуть не попала под колеса какой-то иномарки с открытым верхом.

– Простите меня, – с мольбой сказала Каролина, заглянув в лицо водителю – молодому черноволосому мужчине в темных очках. – Я задумалась... Простите...

Мужчина опустил очки на кончик носа и остро посмотрел из-под них на Каролину. Глаза у него были удивительные: изумрудно-зеленые, с желтыми точками вокруг зрачка.

– Вам нехорошо? – спросил он, наглядевшись. – Если да, тогда садитесь, я вас отвезу куда скажете...

– Нет, спасибо... Я в порядке... Просто задумалась...

– Еще раз задумаетесь, точно попадете под колеса. Не у всех машин, знаете ли, такие хорошие тормоза, как у «Мерседеса»... – Он распахнул перед Каролиной дверь и приглашающе кивнул: – Садитесь, девушка, я же вижу, вы не в себе...

Каролина не стала больше ломаться – села. Мужчина тут же завел мотор, и машина плавно тронулась с места.

– Вам куда? – спросил он, не отрывая взгляда от дороги.

– Вообще-то мне в другую сторону... К рынку.

Он кивнул и, проехав немного вперед, развернулся.

Пока красавчик совершал маневры, Каролина разглядывала его лицо. Загорелое, худощавое, полногубое, очень красивое. По первому впечатлению он походил на манекенщика или сериального актера: холеный, эффектный, сексуальный. Да еще одет с иголочки, безукоризненно подстрижен (прямые черные волосы нарочито небрежно падали на лоб, закрывая густые брови), дорого надушен. Но когда Каролина увидела на переносице две глубокие морщины, а под нижней губой скорбную складку, решила что он больше напоминает ей принца в изгнании... Или разжалованного в простые смертные греческого бога...

– И о чем вы так глубоко задумались, что даже мою машину не заметили? – спросил полубог, обращая к Каролине свое точеное лицо.

– У меня сестра пропала, вот я и...

– Как пропала?

– Она вчера ночью мне позвонила, сказала, что приехала – Даша в Египте жила долгое время, я сегодня к ней пришла, а ее нет... Я бы так не волновалась, если бы не увидела кровь на полу... И в подъезде...

Но красавец ее не слушал. Он был озабочен чем-то своим.

Тогда Каролина замолчала, чтобы не мешать ему думать.

Спустя минуту он встряхнулся и сконфуженно сказал:

– Извините меня, я задумался так же, как вы недавно... А вы о чем-то рассказывали...

– Да нет, ничего...

– Просто я с отцом только что разговаривал... По телефону. Я с телеграфа еду...

Каролина бросила быстрый взгляд на сотовый телефон, торчащий из кармана его голубых джинсов, и тут же отвела его. Но красавец взгляд перехватил и с улыбкой пояснил:

– За границу лучше звонить с телеграфа. Связь качественнее. Да и дешевле это...

– Ваш отец живет за границей?

– Во Франции.

– А вы?

– И я.

– Вы француз?

– Нет, я армянин, но живу в Куршевеле. – Он широко улыбнулся. – Меня зовут Андрей.

– А меня Каро.

Андрей вздрогнул.

– Кара?

– Каро... Сокращенно от Каролина.

– Понятно, – как-то растерянно протянул он, после чего замолчал и опять погрузился в мысли.

Вновь заговорил он только у рынка.

– Куда вас подвезти?

– Да остановите прямо тут... Я добегу... Вон мой дом, видите, с зеленой крышей.

Он отстраненно кивнул, не глянув в указанном направлении, затем махнул рукой и уехал. А Каролина, проводив взглядом серебристый бампер автомобиля, поплелась домой.

Адлер 200... год. Андрей

Высадив странноватую пассажирку у рынка, Андрей поехал домой. Ну не совсем, конечно, домой, а в квартиру, которую снял для него Гурген. В ее тиши и кондиционированной прохладе он собирался обдумать план дальнейших действий.

Добравшись до квартиры, Андрей быстро сполоснулся и, не вытираясь, голышом плюхнулся на кровать. Закрыв глаза, но спать не стал. Пока лежал, думал. О многом. Но главным образом о Каре. Ее труп сейчас в морге – Андрей сообщил о случившемся Гургену, а тот сделал так, чтобы об этом узнала абхазская милиция – отдадут его им завтра-послезавтра. Там надо будет заняться похоронами. На них обязательно припрется следак, ведущий дело. Будет расспрашивать, лезть в душу. Зарываться, конечно, не станет, ясно же, что Андрей ее не убивал, у него алиби, но вопросыки с подковыркой задаст. Типа, почему решил наведаться в отчий дом

именно в тот день? Знал ли, что в нем живет Кара? Видел ли ее мертвой...

Андрей еще вчера обдумал, что будет отвечать: на родине не был много лет, как приехал в Адлер, сразу решил навеститься в родную Абхазию, посмотреть на отчий дом, поностальгировать; Кару не видел бог знает сколько времени, даже не знал, жива ли она; внутрь дома не входил – во Франции не принято вламываться в чужие жилища...

– Как «чужие»? – задаст резонный вопрос следак. – Особняк же ваш!

– Ну когда это было! Теперь государство другое, значит, и хозяева у дома другие...

Следователь, конечно, ему не поверит, но примет его ложь. Кому охота связываться с сыном легендарного Барса? Тем более всем ясно, что дело так и останется нераскрытым – это «заказуха», а значит, «глухарь», «тухляк», «висяк»...

Именно поэтому Андрей решил найти убийцу сам.

Решил он это еще вчера, когда стоял над трупом Кары, поэтому и унес оружие с места преступления. И сейчас Гурген «пробивает», не светилась ли эта «беретта» еще где-то, не имеет ли она истории, не на местном ли рынке куплена... Хорошо бы здесь или хотя бы в Сочинском районе, тогда было бы легче проследить ее путь, да и человек, продавший ее, мог бы многое рассказать – торговцы оружием очень наблюдательны...

Размышления Андрея прервал звонок в дверь. Он встал и,

не одеваясь, пошел открывать – был уверен, что это Гурген.

Андрей оказался прав. На пороге, отдуваясь и вытирая пот с лица огромным клетчатым платком, стоял его двоюродный братец.

– Фу, – выдохнул он, увидев, в каком виде Андрей открыл дверь. – Прикройся, а?

– Да ну, жарко...

– Это точно! – Гурген стянул с себя мокрую футболку и вытер ее подолом подмышки – он был очень потлив, отчего сильно страдал. – Такая духота, слушай! Даже кондиционер в машине не помогает – как выйдешь, тут же взможнешь, словно мышь! – Он отстранил Андрея и направился в ванную умываться. – А ты все равно оденься, я не могу на тебя смотреть!

– Что так?

– Ты худой, красивый, я чувствую себя рядом с тобой винным бочонком!

Гурген на самом деле был довольно полным. Но из-за высокого роста и широченных плеч не казался жирным, скорее упитанным. А вот что действительно его портило, так это арбузообразный живот, свисающий на ремень.

– Худей, раз себе не нравишься, – серьезно сказал Андрей. – Ты же младше меня, а как себя запустил...

– Худей, – передразнил Гурген. – Ты-то жрешь все подряд, а вон – одни ребра! А у меня каждый кусок шашлыка в килограмм жира превращается! – Он вышел из ванной, вы-

тирая смуглое усатое лицо. – Тебе чего говорить! Ты у нас краса рода!

– Ну ладно тебе...

– А что, разве не так? Мать моя твою фотку над камином повесила, чтоб все видели, какие в нашей семье красавцы есть! – Он шутливо хлопнул брата полотенцем по груди. – И все тебя за французского актера принимают! За французского, понимаешь! А я как к вам в Куршевель приеду, меня все турком обзывают...

– Сбрей усы, похудей, станешь похож на грека.

– Этого еще не хватало!

Гурген схватил из холодильника бутылку пива, открыл ее зубами, сделал добрый глоток, затем, прислонив холодное стекло ко лбу, отправился в комнату. Андрей проследовал за ним со словами:

– Ну что, поговорим о деле?

– Я за этим и пришел... – Гурген одним глотком допил оставшееся пиво, оставил бутылку и, сделавшись серьезным, начал: – Итак, новостей много. Есть хорошие, есть не очень. Начну с плохих. Пушка привозная. Чистая – нигде не засвеченная. Довольно дорогая. В отличном состоянии. Это наводит на мысль, что она приобретена не на черном рынке (там одно барахло), а в оружейном магазине из-под полы – продавцы часто в обход кассы торгуют пистолетами. Выяснить, откуда взялась наша «беретта», практически невозможно...

– То есть пушка нам ничего не дает?

– Почему же ничего? Мы можем смело сказать, что киллер не местный. – Гурген нахмурился, сведя густые брови в одну линию, и добавил: – И это плохо...

– А что хорошо?

– Хорошо то, что наша фамилия не всплывет во время расследования.

– Не понял...

– Убитую зовут не Кара Караян, а Эсфирь Соломоновна Штайн.

– Да-а? – пораженно протянул Андрей.

– Да.

– Кара решила сменить не только имя, но и национальность? С чего бы это?

– Паспорт, который нашли при ней, настоящий. Не подделка. Девушка, изображенная на фотографии в документе, очень похожа на Кару, но это не она. Человек, не знавший твою жену лично, не заметил бы разницы, но я – мне по факсу переслали копию – сразу ее увидел.

– К чему ты клонишь?

– Этот паспорт специально выкрали для Кары. Нашли похожую на нее и подходящую по возрасту девушку и тиснули у той из сумочки документ. Так получилось, что она оказалась еврейкой.

– Что ж, это ясно... – Андрей потер щетинистый подбородок. – Но ведь, наверное, эта Эсфирь пошла в паспортный

стол и написала заявление об утере документа... И украденный паспорт превратился в филькину грамоту. Жить с ним, конечно, можно. Но делать крупные покупки – нет.

– Ты о каких покупках говоришь?

– О покупке недвижимости, конечно. Не знаю, как в России или Абхазии, но во Франции это серьезная процедура. И с липовым удостоверением личности ее не совершишь – сразу всплывет подлог, ведь в компьютере есть данные, что паспорт гражданки Штайн с этой серией утерян тогда-то, тогда-то...

– Брат мой, ты меня удивляешь! – закатил глаза Гурген. – Даже в твоей хваленной Франции запросто можно обойти закон, не говоря уже об Абхазии!

– Каким образом?

– Совершив покупку недвижимости через подставное лицо.

Андрей хлопнул себя по лбу:

– Точно! Я об этом не подумал...

– А я сразу именно так подумал, когда увидел паспорт. И навел справки.

– Ну и?

– Дом приобретен на имя Смирнова Антона Петровича по кличке Смирный. Он известный в Гагре посредник. К нему часто обращаются с деликатными просьбами лица, которые, скажем, не очень дружны с законом или не желают афишировать свое благосостояние. Машины, акции, произведения ис-

кусства – все он регулярно приобретает, но не для себя, а для своих клиентов. Имеет с этого хороший процент. В последнее время специализируется на недвижимости – скупает дома на побережье для лиц, не имеющих абхазского гражданства: по закону только граждане страны имеют право совершать такие покупки, а россиян, желающих приобрести недорогой особнячок в райском уголке, полным-полно...

– То есть наш дом оформлен на его имя?

– Да.

– И у кого он его, интересно, купил?

– У государства. – Видя недоумение на лице Андрея, Гурген пояснил: – Дом стоял брошенным много лет. До него никому не было дела. Если бы вилла располагалась на берегу моря, тогда до него давно бы добрались, но развалины в горах – это, сам понимаешь, не такой уж и лакомый кусочек... Но все изменилось, когда на них нашелся покупатель. – Гурген улегся на кровать, заложив руки за голову, и продолжил: – Смирный, получив задание от гражданки Штайн, сразу пошел к начальнику земельного отдела мэрии и намекнул на то, что, если тот окажет содействие, ему за содействие заплатят...

– Тот, как понимаю, помог. Но я не врублюсь как?

– Когда стали выяснять, кому принадлежит земля, на которой стоит дом, оказалось, что хозяева давно сменили гражданство и уехали из страны. Перед отъездом документы на землю не переоформили...

– Так они все сгорели! Восстановление и переоформление заняло бы время, а мы торопились покинуть страну... Да и не до того было, сам знаешь...

– Не переоформили, – назидательно повторил Гурген. – Не переприватизировали...

– Это что еще за фигня?

– У нас и такая фигня бывает! Например, расприватизация... – Он широко улыбнулся. – Но не об этом речь. А о том, что земля ваша перестала быть вашей сразу после того, как вы сменили гражданство... – Гурген развел руками. – Такие законы, ничего не поделаешь...

– Ладно, черт с ней, с землей! Не велики деньги...

– Это точно! Сейчас в самом Сухуми земля подешевела, а уж в горах... Чудо, что на нее покупатель нашелся.

– Чудо то, что им оказалась Кара. Зачем ей понадобились старые развалины, в которые она вложила кучу денег? Я понимаю, если бы дом выкупили затем, чтобы устроить в нем... ну... например, цех по производству наркотиков. Или склад контрабанды... Или нелегальную клинику пластической хирургии для беглых преступников! Место-то уединенное...

– Брат, ты насмотрелся дешевых голливудских боевиков! А надо было смотреть мелодрамы! – Гурген похлопал Андрея по плечу. – Кара купила ВАШ дом потому, что когда-то была в нем счастлива! Только в нем и была...

– Она любила НАШ дом... – Андрей опустил голову на сжатые кулаки. – Хотела в нем состариться и умереть...

– Даже так? Х-м... Тогда я скажу вот что – она купила его, чтобы умереть там, где всегда хотела...

– Думаешь, она знала, что ее хотят убить?

– Я предполагаю... Но пока мы очень мало знаем о жизни Кары, чтобы делать какие-либо выводы.

– Значит, мы должны узнать о ней больше!

– Попробуем, но не знаю, как получится... Она темная лошадка. С липовыми документами, но с большими деньгами...

– Не волнуйся, – прервал его Андрей, – я знаю, с чего начать.

– Поделись.

Андрей взял с подоконника альбом Кары, сунул его в руки Гургена.

– Чего это такое? – не понял тот.

– Ее альбом. Просмотри.

Гурген послушно раскрыл его и, листая, стал рассматривать рисунки. В основном это были портреты. Портреты разных людей, встреченных на улице, в ресторанах, транспорте, на пляже – Кара всегда зарисовывала интересные лица. Иногда по памяти, иногда с натуры...

– Никого не знаю, – буркнул Гурген, пролистав альбом до конца. – Только вот этот чувак, – он ткнул пальцем в портрет импозантного мужчины в очках, – кажется знакомым...

– Ну ты даешь, брат! Даже я, гражданин Франции, знаю, кто этот чувак...

– Билл Гейтс, что ли?

– Это господин Архипенко, очень известный политик.

– Тот, который в президенты собирается баллотироваться?

– Он самый. – Андрей перевернул одну страницу назад. – А вот это Фрэнк Синатра. Знаешь такого?

– Что-то слышал... – Гурген начал листать дальше. На политика он больше не посмотрел, а вот портрет красавицы, под которым имелась загадочная надпись «101080», его заинтересовал. – А это кто такая? Тоже артистка?

– Вот о ней я и хотел у тебя спросить... Не знаешь ее?

– Нет. Я бы запомнил такую... – Он, прищурившись, посмотрел на цифры. – Это ее телефон?

– Без понятия, надо выяснить.

– Ну так позвони.

– Весь день только этим и занимаюсь – никто не отвечает.

– Сейчас я адрес узнаю, съездим.

Гурген подвинул к себе телефон, а Андрей пошел в другую комнату, одеваться. Когда вернулся, брат уже закончил разговор.

– Вот тебе адрес, – сказал он, протягивая бумажку. – Я, к сожалению, с тобой не могу поехать...

– Что так?

– Дела, брат. – Он встал, почесал волосатый живот. – Футболочку не одолжишь? Моя вся провоняла.

– А моя на тебя не налезет.

– Это верно. Придется домой заезжать, переодеваться.

– Вози с собой запасную.

– Ой какой умный! – Гурген закатил глаза. – Будто я без него бы не додумался! Эта, – он напялил на себя подсохшую футболку, – запасная.

Андрей улыбнулся, но тут же посерьезнел и спросил:

– Кара со Смирным как переговоры вела: очно, по электронке, телефону или через кого-то?

– По электронке. Деньги на покупку также перевела безналом. Увиделись они только тогда, когда дом был приобретен... Она произвела на Смирного неизгладимое впечатление! Сказал, таких красавиц в жизни не видывал...

– Он в милиции уже давал показания?

– Нет еще. Но он предупрежден о том, что наш интерес к смерти госпожи Штайн должен остаться тайной. Сержанта Масаева, кстати, тоже убедительно попросили в это дело не связываться. Так что он тебя на той горной дороге не оставливал.

– Отлично.

– Угу... – Гурген прошел в прихожую, обулся. – Ну, пока, что ли?

– Пока. Будут новости – позвоню.

Они обнялись на прощание, и Гурген ушел.

Андрей вернулся в комнату, набрал надоевший номер. Опять никто не взял трубку – значит, надо ехать. Он взял со стола ключи от машины, нацепил на нос очки, сунул в кар-

ман сотовый, в другой – кошелек, подумав, прихватил и альбом Кары, после чего покинул квартиру.

...Дом, в котором жила таинственная незнакомка, располагался за телеграфом. Андрей припарковал машину у детской площадки, вышел. Высчитав номер подъезда, направился к пятому.

Лифт не работал, пришлось подниматься пешком на последний этаж.

Дойдя до квартиры под номером восемьдесят, Андрей вынул телефон. Набрал 101080. Через дверь услышал надрывной звонок. Правильно, значит...

К телефону никто не подошел. Дверь тоже не открыли, хоть Андрей и звонил. Он уже собрался уйти, как увидел на бетонном полу прямо у своих ступней бурое пятно. Через полдециметра еще одно, и еще...

Кровь? Кровь на полу. Где-то он это сегодня слышал... Там еще чья-то сестра пропала...

Тут в голове мелькнуло отчетливое воспоминание. Высокая худощавая брюнетка с прозрачными глазами, которую он чуть не сшиб, сидит рядом с ним и взволнованно бормочет:

«Моя сестра пропала... Я бы так не волновалась, если бы не увидела кровь на полу... И в подъезде...»

Та-ак. Значит, девушка с рисунка и пропавшая сестра недавней попутчицы – одно и то же лицо. Плохо дело! Выходит, единственный свидетель исчез, и, если судить по пят-

нам крови, растекшимся по полу, исчез не по собственной воле... Девушку увезли насильно, это ясно. Ясно еще и то, что существует связь между ее исчезновением и смертью Кары. Непонятно только, какая...

Андрей торопливо раскрыл альбом, глянул на портрет, пытаюсь понять, что может быть общего у Кары и этой девушки. На первый взгляд ничего, кроме красоты. Ну еще возраста. Но разве это что-то объясняет?

– Вы чего тут крутитесь? – услышал Андрей ворчливый голос за спиной. – Чего вам надо?

Андрей обернулся и увидел перед собой пожилую женщину, стоявшую в дверях семьдесят девятой квартиры.

– Я хотел бы видеть хозяйку, – вежливо ответил он. – Вы не знаете, куда она ушла?

– Она эту квартиру сдает. Туристам. А живет в другом месте.

– А кому она сейчас ее сдала, не в курсе?

– Нет.

– Но квартира кем-то арендована?

– Вы, молодой человек, кто? – подозрительно прищурилась старуха.

– Не бойтесь – не из налоговой.

– Да?

– Я ищу вот эту девушку, – Андрей выставил перед собой портрет незнакомки, – не ей ли ваша соседка сдала квартиру?

– Может, и ей. Не знаю... – Старуха внимательно посмотрела на рисунок. – Жиличка молодая. С длинными черными волосами. Больше ничего сказать не могу – она только позавчера вечером въехала.

– Не дадите мне адрес вашей соседки?

– Зачем тебе?

– Хочется расспросить ее о девушке.

– Зачем тебе эта шалава, сынок?

– Почему шалава?

– Ну а кто же она? Не успела заехать, а уже на следующую ночь мужиков привела... Главное, днем сидела, носу не казала. Даже на пляж не ходила. А как ночь, так тут как тут – мужики! Двое! Нажралась она с ними и пошла гульбанить!

– А вы откуда об этом знаете?

– Видела, – с достоинством ответила соседка. – В глазок, а потом из окна... Ночью проснулась от шума, подошла к двери, посмотрела, а из восьмидесятой как раз жиличка выкачивается... Гляжу, батюшки, а девка-то пьянущая: шатается, бормочет что-то, а ее под руки два парня поддерживают, чтоб, значит, не свалилась... Сели они в лифт и вниз поехали. Тут я к окну. Смотрю: вся троица из подъезда вышла, а девка как шагнула на асфальт, так и свалилась – видно, уже не в можах была... Ну парни-то ее в машину все же затолкали – на заднее сиденье, а сами вперед сели... И уехали.

– На какой машине?

– А бог ее знает, сынок. Я ж в них не разбираюсь! Вроде

иностранный какая-то... Красивая, большая.

Андрей задумчиво кивнул, покусав губу, спросил:

– Ваша соседка сама жильцов находит или через кого-то?

– Сама. Стоит у вокзала с табличкой. – Старуха наморщила лоб, что-то припоминая. – А девка-то эта... Ну, что квартиру сняла... Она не на поезде приехала, а на автобусе – сошла с маршрутки, которая из Сочи идет. С большой сумкой, красивая, дорого одетая, а прикатила на автобусе...

– Это все вам соседка рассказала?

– Да.

– Может, мне тогда стоит поговорить с ней лично?

– Нет ее в городе – к сыну в Воронеж уехала. Как деньги за аренду квартиры получила, так и уехала. – Старуха понизила голос до шепота и, заговорщицки подмигнув, добавила: – Велела мне всем говорить, что жилищка ее племянница, чтоб налогов не платить...

– На сколько времени она сдала квартиру?

– Девушка заплатила за неделю, но сказала, что может уехать раньше. Соседка ее предупредила, что деньги, если что, назад не вернет, только та не расстроилась... – Старуха поджала губы. – Богатая, видать.

– Ну что ж, спасибо за информацию, – он благодарно улыбнулся, затем достал из кармана ручку, вырвал из альбома чистый лист, быстро записал свой телефон. – У меня еще одна просьба. Если увидите девушку – позвоните мне. Это очень важно. – Он протянул старухе листок, подумав, доба-

вил к нему двести рублей. – Вам ведь не трудно?

– Да чего уж... – немного смутилась она, но деньги взяла. – Позвоню.

– Спасибо.

Распрощавшись со старухой, Андрей покинул подъезд. Пока шел до машины, размышлял над тем, что предпринять в настоящий момент. Идея пришла только одна – встретиться с сестрой пропавшей девушки, быть может, она хоть как-то прояснит ситуацию. К счастью, он запомнил, где она живет – дом у рынка с зеленой крышей, – и имя помнит (такое не забудешь!), значит, найти ее будет просто... Только бы она была на месте!

Подъехав к дому с зеленой крышей, Андрей вышел из машины, подошел к воротам, заглянул через забор. По двору расхаживал полный мужик в шортах, по виду курортник. На летней кухне сидели два подростка, ужинали, возле душа курила девушка с полотенцем на плече, другая вешала мокрый купальник на веревку. Все эти люди были отдыхающими, а вот хозяйки Андрей не увидел. Хотелось надеяться, что она в доме, а не ушла по своим делам.

– Вам кого? – грозно рыкнул мужик в шортах, заметив Андрея.

– Хозяйку.

– Свободных мест нет. Объявление на заборе видели, там ясно написано!

– Мне нужна хозяйка, позовите ее, если не трудно...

– Тебе надо, ты и зови.

Андрей, толкнув створку ворот, вошел во двор. Проходя мимо толстяка, наступил тому на босую ступню и, не слушая его воплей, направился к крыльцу.

Входить в дом не пришлось – хозяйка показалась на пороге, как только он поднялся на первую ступеньку.

– Вы? – удивленно протянула она. – Вы ко мне?

– Поговорить можно?

– Да, конечно, – девушка посторонилась, жестом пригласила его войти, – пойдемте...

Они поднялись по узкой деревянной лестнице на второй этаж. Зашли в маленькую светлую комнату. Первое, что бросилось в глаза Андрею, когда он переступил ее порог, так это фотопортрет на стене. На нем была изображена та самая красавица из альбома: черноволосая, светлоглазая девушка, чем-то похожая на Элизабет Тейлор. На снимке она была гораздо моложе, чем на портрете Кары, и попроще, что ли...

– Это ваша сестра? – спросил Андрей, остановившись перед портретом.

– Да, это Даша.

– Как давно сделан этот портрет?

– Давно... – Она на мгновение задумалась. – Лет шесть назад... А повесила я его, как только Даша уехала за границу. С тех пор прошло три года. – Девушка нахмурилась. – А что вам за дело до моей сестры?

Андрей положил перед ней альбом, раскрытый на порт-

рете Даши.

– Откуда у вас это? – разволновалась Каролина.

– Я отвечу, но сначала задам вопрос... Минутку. – Он достал из кармана портмоне, раскрыл его и, вынув из-под прозрачной пленки старую фотографию Кары, подал ее девушке. – Вы ее не знаете?

– Какая красавица, – протянула Каролина, разглядывая фото. – Кто она?

– Моя бывшая жена. Ее зовут Кара. Вы не знакомы?

– Нет, я впервые ее вижу. А что, она, как и моя Даша, пропала?

– Ее убили, позавчера. Рядом с трупом я нашел этот альбом. В нем портрет вашей сестры. И телефон квартиры, которую она сняла... Сняла, заметьте, у случайного человека...

– Почему вы акцентируете на этом внимание?

– Получается, что, как только ваша сестра сняла квартиру и узнала свой теперешний номер телефона, она тут же позвонила моей покойной супруге и сообщила его. Та номер записала, а потом по памяти набросала Дашин портрет... Из этого следует, что они знакомы.

– Наверное... – Каролина растерянно заморгала. – Но я ничего не знаю о знакомствах Даши. Мы не виделись три года – я здесь, она в Египте...

– Чем занималась ваша сестра за границей?

– Работала горничной в отеле... – Каро запнулась. – По крайней мере, она так говорила.

– То есть вы не верите ее словам?

– Ну не то чтобы не верю, сомневаюсь...

– Я тоже. – Андрей склонился над портретом Даши и, подперев щеку кулаком, стал его разглядывать. – Слишком она хороша для горничной.

– Да не в этом дело!

– Не в этом, – кивнул он. – А в том, что девушка добиралась до Адлера каким-то окружным путем. Из Египта через Сочи! Как так? Я вот из Франции летел до Москвы, потом самолетом до Адлера. А она приехала на автобусе из Сочи.

– Быть может, она добиралась от Москвы на поезде? Вышла в Сочи, а потом села на автобус...

– Легче было доехать до конечной. Зачем пересаживаться с поезда на автобус?

– У меня есть только одна версия: поезда стояли, ей надоело сидеть в душном вагоне...

– А у меня две, – перебил ее Андрей. – Первая – Даша запутывала след, вторая – Адлер не конечный пункт. То есть в Россию она приехала по каким-то своим делам, но что-то у нее не заладилось, и она рванула в родной город, чтобы тут отсидеться...

– С чего вы это взяли?

– Из снятой квартиры она сутки носу не казалась, как будто чего-то боялась, а покинула ее под конвоем двух амбалов...

– Откуда вы знаете про амбалов? – вскрикнула Каролина.

– Соседка сказала.

– Но почему она не вызвала милицию?

– Она приняла Дашу за пьяную, а парней за ее ухажеров.

– Какой ужас... Боже... – Каролина тихо всхлипнула. –

Что же с Дашкой случилось? Куда она вляпалась?

– Ваша сестра никогда не занималась противозаконной деятельностью?

– Какой еще деятельностью? Что вы несете...

– Перевозкой наркотиков, например.

Каролина подняла на Андрея огромные покрасневшие от слез глаза.

– Вы думаете, что Даша стала курьером?

Андрей пожал плечами.

– Нет, не может быть... Она не пошла бы на это – Дашка страшная трусиха... А перевозить наркотики очень опасно.

– Я просто предположил...

Она открыла рот, желая что-то сказать, но тут тишину разорвал телефонный звонок. Каролина вздрогнула всем телом, как-то затравленно посмотрела на радиотрубку, будто предчувствовала что-то нехорошее, взяла ее и медленно поднесла к уху.

Что ей говорили, Андрей не слышал. Но, судя по меняющемуся (вспыхивающему-бледнеющему-мертвеющему) лицу Каролины, понял – новости ужасные.

– Что-то с Дашей? – шепотом спросил он, когда девушка отлепила трубку от уха. – Она в больнице?

Каролина медленно покачала головой и глухо произнесла:

– Даша в морге. Ее нашли в лесу час назад. Зовут на опознание...

Глава 4

Абхазия 1991—1992 гг. Андрей

Андрей оторвал взгляд от своего мольберта и, вытянув шею, глянул на пейзаж Кары. Она рисовала синее в багряных прожилках небо, горные вершины, подсвеченные закатом, ущелье с водопадом, с серыми валунами, с зелеными помпонами кустов на обрыве – рисовала то, что видела перед собой, стоя на балконе.

– Отлично получается, – похвалил ее Андрей. – Только добавь немного синевы...

– А мне не нравится, – грустно сказала Кара. – Все как-то криво, косо... У тебя гораздо красивее вышло...

– Я занимаюсь живописью с детства, а ты всего год, конечно, у меня получается лучше. Но я должен заметить, что у тебя талант, ты удивительно хорошо улавливаешь природу вещей.

– Как это?

– В твоих рисунках есть настроение, душа, энергетика. Несколькими, пусть неумелыми штрихами ты умеешь точно изобразить предмет. – Он указал кистью на ее картину. – Вот взять хотя бы этот пейзаж! Сразу ясно, что ты рисуешь горы перед закатом. И это при том, что краски ты подобрала не очень удачно...

– Я не умею работать с цветом, карандашом мне больше

нравится...

– Просто тебе лучше удаются портреты. Ты видишь человека насквозь. Его душу. Именно поэтому твои портреты так похожи на оригиналы...

Говоря так, Андрей несколько не погрешил против истины – Кара на самом деле рисовала удивительные портреты. Не владея техникой, не имея понятия о перспективе, не проверяя пропорций, она умудрялась изобразить человека таким, каким он был. А Андрей, при всей его учености (семь лет художки, плюс четыре года занятий живописью в архитектурном институте), мог только детально копировать черты лица, фигуру. Его портреты получались умелыми, но не живыми...

– У тебя есть дар, – добавил Андрей. – Настоящий дар. Тебе надо учиться... Хочешь, я найму для тебя педагога?

– Нет, – засмеялась Кара. – У меня уже есть педагог, это ты... – Она нежно поцеловала его в испачканную краской руку. – Мне нравится заниматься с тобой... живописью...

Андрей бросил кисти, вытер руки о футболку, схватил Кару за руки и потащил в комнату.

– Куда? – смеясь, воскликнула она. – Ты не закончил пейзаж...

– По-моему, нам пора задуматься о наследниках.

– Но ты же еще не окончил институт! Мы обещали отцу, что повременим...

– Я думаю, он не сильно расстроится, если станет дедом на

полгода раньше! – Андрей горячо поцеловал Кару в губы. – Знала бы ты, как мне надоели эти презервативы!

– Мне тоже, но мы должны повременить...

Андрей бросил Кару на кровать, молниеносно скинув с себя одежду, опустился рядом с ней, прижал к себе.

– Ты бы хоть руки вымыл, – игриво отпихнула его Кара, но у самой в глазах уже полыхало желание.

– Потом, – пробормотал он, припав губами к ее груди. – Все потом...

Одной рукой нащупав на тумбочке презерватив, другой Андрей начал стаскивать с Кары юбку. И в этот интереснейший момент в дверь постучали.

– Кто там? Марианка, ты? – крикнул Андрей, не прекращая своего занятия.

– Дети! – раздался из-за двери бабушкин голос. – Боюсь, что вам придется открыть...

Чертыхаясь, Андрей сполз с кровати, натянул на себя штаны и пошел открывать. Кара, вернув юбку на место, осталась лежать.

– Рисуете? – весело спросила Бэла Ашотовна, указав на перепачканные краской руки внука. – Молодцы... Тебе, Дюсик, надо больше заниматься, скоро диплом...

– Ты, бабуля, пришла только за тем, чтобы напомнить об этом?

– Я пришла сказать, что тебя ждет отец. Он в столовой с дядей Арамом.

– А я зачем им нужен?

– Отец хочет взять тебя с собой в Москву.

– Без меня никак? – расстроено протянул Андрей. – Ты же знаешь, у меня экзамен на той неделе, мне надо заниматься...

– Андрей, ты должен ехать. Поездка не просто деловая. Папа хочет поосмотреться там... – Бабушкино лицо помрачнело. – Здесь опасно оставаться. Абхазы с грузинами конфликтовать начали. Это может привести к настоящей войне...

– Отец хочет увезти нас отсюда? – поразился Андрей. Он знал – в стране назревает война, но надеялся, что их она не коснется. – Но почему? Мы-то к абхазо-грузинскому конфликту какое имеем отношение? Мы просто здесь живем...

– Попадем между молотом и наковальней! Пострадаем, как и все, живущие здесь!

– Кто посмеет тронуть Барса и его семью?

– Ты не знаешь, что такое война, поэтому так говоришь! – Бэла Ашотовна строго посмотрела на внука. – А я знаю – Великую Отечественную пережила – и говорю тебе, она коснется всех! Нас, может, и не тронут, тут ты прав, но в стране начнутся перебои со светом, топливом, медикаментами! Наступит бардак и анархия. Кучи уродов, прикрываясь благородной идеей, будут бегать с автоматами и творить беспредел...

– Бабушка, ну у тебя и жаргон!

Бэла Ашотовна раздраженно махнула на внука рукой, не принимая его шутливого тона, и продолжила:

– А наш бизнес! Подумай об этом! Кто будет строить дома, когда по улицам ездят танки? Кто поедет сюда отдыхать, кто станет покупать наше вино? Никто! В цене будет лишь оружие, но Карэн, я надеюсь, не опустится до его продажи... – Она быстро перекрестилась. – Вот поэтому я поддерживаю сына! Уезжать надо... Только не в Москву, конечно, чего нам там, в столице, делать? Можно же в Адлер, к Каринэ, перебраться... Или в Сочи, Туапсе, Краснодар! Но Карэн настаивает на Москве. Говорит, там настоящая жизнь! Сейчас вот фирму хочет там открыть, потом дом купить и нас перевезти...

– Значит, мы с ним уедем надолго?

– На две недели как минимум...

Услышав это, Кара низко опустила голову. Бабушка заметила и ворчливо проговорила:

– А ты думала, он всю жизнь у твоей юбки будет? Нет, милочка, у мужчин свои дела. Он и так на заочное перевелся, чтоб с тобой не расставаться, работу стал на дом брать, чтобы пораньше возвращаться...

– Я все понимаю, Бэла Ашотовна, но не представляю, как буду две недели без него...

Кара и в самом деле не представляла – за два года брака они не расставались больше чем на три дня. Так повелось с самого начала. До женитьбы Андрей постоянно жил в Суху-

ми (отец снял ему квартиру недалеко от института), а домой приезжал только на выходные. Женившись, он перевелся на заочное: расставаться с Карой на неделю он не хотел, ездить домой каждый день не мог, а просить ее переселиться к нему в съемную квартиру не смел – что она будет делать одна в четырех стенах, когда он с утра до вечера на лекциях?

– Скажи лучше, что ты боишься оставить ее без присмотра, – сказал ему на это отец. – Думаешь, что она от скуки глупостей натворит... И правильно думаешь, женщины все глупости от скуки и делают. Да еще чтобы доказать, что они не хуже других...

– Я доверяю ей, папа, просто не хочу, чтобы она страдала.

– Иногда можно и пострадать...

– Зачем? Я же запросто могу перевестись на заочное. Это будет лучше не только для Кары, но и для тебя – я смогу больше помогать тебе в работе. К тому же у меня появится свободное время на архитектурные проекты. Ты сам говорил, мне пора начать проектировать здания, которые мы возводим...

– Все время, которое у тебя появится, ты посвятишь своей маленькой женушке, – со смешком сказал отец. – Уж мне ли не знать!

– Сейчас она нуждается во мне... Я учу ее языкам. Учю писать, читать, есть ножом и вилкой.

– Этому ее учит твоя мама. – Карэн шутливо погрозил сыну пальцем. – Ты же занимаешься с ней совсем другим...

– Папа!

– Только прошу, сын, следи, чтобы игры ваши не привели к случайному зачатию! Отучишься, тогда рожайте, а сейчас рано...

Тогда Андрей отцу и пообещал, что подарит ему внука не раньше, чем через три года. Потом он сообщил об этом жене. Кара пришла в ужас!

– Дети от бога, – кричала она, обливаясь слезами. – Раз он их дает, значит, так надо! А вмешиваться в его деяния – грех!

– Ты же сама говорила, что Зара давала тебе отвар каких-то трав, чтобы ты не забеременела...

– Я не могла родить от нелюбимого, а от тебя могу! И хочу! Я мечтаю подарить тебе наследника!

– Подаришь, но позже... – Он вытащил из кармана черную коробочку с изображением целующейся парочки. – А пока мы будем пользоваться этим.

– Ни за что! Я лучше вообще не буду с тобой спать! И ты меня не уговоришь!

Конечно, он ее уговорил. В тот же день. А позже, когда Кара стала более цивилизованной, она уже без скандалов позволяла Андрею предохраняться и даже сама покупала в аптеке презервативы.

Она вообще со временем сильно изменилась. Стала изысканно-прекрасной, нежной, очаровательной, элегантной – мама привила ей хороший вкус. Теперь Кара носила ми-

ни-платья по фигуре, не скрывающие ее стройных смуглых ног, туфельки на шпильке, золотые украшения. Она научилась умело краситься, укладывать свою смоляную гриву в безупречную прическу, грациозно ходить. Научилась держать осанку, аккуратно есть, вытирать руки не о подол, а салфеткой. Но самое главное, Кара освоила грамоту – через год она уже читала и писала на двух языках: русском и армянском. И тут выяснилось, что она неглупа. Что ей удивительно легко даются науки, особенно гуманитарные. Выявились таланты к живописи и сочинительству – Кара придумывала удивительные сказки. Она стала много читать, предпочитая зарубежных романистов (Мюэма, Ремарка, Ирвина Шоу), увлеклась цветоводством, верховой ездой...

Но что у нее получалось лучше всего, так это ладить с людьми! Ее полюбили домашние: отец, мама, бабушка, даже пес Мирон, который ненавидел всех, за исключением Карэна, только Марианна относилась к свояченице с легкой прохладцей. Несмотря на то что она была младше Кары, считала ее незрелой, несерьезной, наивной. Она насмеялась над ее восторженностью, непосредственностью, легковёрностью – Кара верила всему: байкам Андрея, хвастливым рассказам Гургена, прогнозам погоды, астрологам, но особенно гадальным картам. Истрепанные карты старой Зары были ее главными советчиками. Перед тем как предпринять что-либо, она раскидывала их, всматривалась в истертые портреты дам и вальтеров, пытаясь понять, будет ли сопутствовать успех

ее начинанию или нет. Так же она раскладывала карты на всех членов семьи, и иногда гадания сбывались. Такие, например, как предстоящая бабушке операция – та уже полгода собиралась лечь в больницу, чтобы удалить грыжу, или скорый отъезд Карэна – он покидал дом не реже раза в месяц...

Естественно, как только Кара узнала новость о том, что Андрей с отцом собираются в Москву, она тут же раскинула карты.

– Ну что? – с любопытством спросила Бэла Ашотовна, которая относилась к Кариным гаданиям с интересом, но верила в них только тогда, когда они сулили что-то хорошее. – Выгорит у них дело?

– Близкую дорогу вижу, хлопоты, визиты, которые принесут большие деньги, успех в начинаниях... Вроде бы все хорошо... Только вот вылезают какие-то слезы, печаль... Не пойму, с чего... – Она собрала карты, перетасовала, зажав колоду между ладонями, задумалась, формулируя вопрос, затем выбросила пять штук: одну в центр, четыре вокруг. – Горе их ждет в будущем. Много слез.

– Да ладно тебе преувеличивать! – проворчала бабушка, но глаза ее засветились беспокойством. – Горе, слезы! Скажи уж, разочарование, печаль...

– Нет, горе. Потери. И как будто смерть... – Видя, как напряглось лицо старушки, Кара поспешно добавила: – Не их, чья-то...

– Я, что ли, помру?

Кара выбросила еще четыре карты, хмуро на них посмотрела.

– Не одна смерть – несколько. И большие потери...

– Точно война начнется, как я и говорила, – с явным облегчением выдохнула Бэла Ашотовна. – И у Карэна, и у Андришки много друзей абхазов, может, кто-то из них пострадает...

– Да, наверное, только... – Кара сморщилась, и из глаз ее потекли крупные слезы. – Только и у меня то же самое... Я вчера гадала, там горе, страдание! И долгая разлука! – Она кинулась старушке на грудь. – Бабулечка, миленькая, отговори их ехать! С ними там что-то страшное случится! Вдруг они кого машиной собьют, а их посадят за это...

– Не реви, глупая!

– Бабулечка, пожалуйста, повлияй на них! Если Андрея посадят, я разлуки не переживу...

– Не каркай! – прикрикнула Бэла Ашотовна. – Этого еще не хватало... – Она сжала губы в ниточку, нахмурилась. – Я, конечно, поговорю, но боюсь, они меня не послушают – отменять важную поездку только потому, что карты не так выпали, несусветная глупость... Вот увидишь, посмеются над нами, дурами, и завтра же укатят!

Как Бэла Ашотовна и прогнозировала, Карэн с Андреем уехали в Москву на следующий же день.

Столица на младшего Караяна произвела ужасное впечатление: огромный, шумный, грязный город, где воздух сизый от выхлопных газов, где люди злые, хмурые, озабоченные, вечно спешащие, где в роскоши метрополитена бродят нищие, пьянь, ворье, где таких, как он, Андрей, называют «черножопыми»... Разве можно променять жизнь в горах на существование в этом загазованном муравейнике?

«Не только можно, но и нужно», – сказал отец, не выслушав и трети сыновних аргументов в пользу возвращения в Абхазию. Он всегда любил Москву, часто бывал в ней, но считал ее немного скучной, старомодной, закостенелой, эдакой старой девой. А вот новая Москва пришлась ему по душе. Он не замечал грязи, смога, побирušек, он видел огромные рекламные щиты, дорогие бутики, рестораны, первые элитные новостройки, автосалоны – все то, чего так много на Западе и чего не было в России. Все то, во что можно вложить деньги...

– Я нюхом чую, – возбужденно говорил он, прогуливаясь с сыном по Калининскому проспекту. – Совсем скоро Москва начнет пухнуть, сюда ринутся люди из всех бывших республик, и им понадобится жилье. Развернется грандиозное строительство на окраинах. В центре станут переделываться и реставрироваться здания под казино и рестораны. Начнут возводить церкви! Представляешь, как на этом разбогатеют застройщики?

– Представляю, – кивнул Андрей. – Дармовая сила из Та-

джикистана и Молдавии, дешевые стройматериалы с подпольных фабрик, ворованная фурнитура – а в итоге большое красивое здание, проданное за сотни тысяч долларов США.

– Мы должны попасть в число тех, кто их заработает!

– Тут без нас желающих полно. Думаешь, ты самый умный?

– Не самый, но... – Отец подмигнул сыну. – У меня больше возможностей, чем у других.

– Ты чужак здесь. Тебя не пустят в этот бизнес русские... Э... коллеги.

– Ты о русской мафии говоришь? – улыбнулся Карэн. – Так вот, знай, что строительство на окраинах контролируют как раз армяне. И с одним из местных авторитетов у меня вечером встреча!

Авторитета звали Радиком. Он имел огромный дом на Рублевском шоссе и намеревался строить там еще несколько – на продажу, считал, что в скором времени богатые москвичи ринутся из загазованной столицы за город. Карэна он встретил приветливо, Андрея с восторгом – у него была дочка на выданье, которой все никак не могли найти достойную партию. К счастью, девушка на Андрея не среагировала (она была безнадежно влюблена в своего телохранителя), но Радик все равно уговорил Карэна погостить у него, пообещав помочь с переездом и инвестициями.

У Радика Караяны застряли надолго. Около трех недель они пользовались его гостеприимством, правда, при этом

отец умудрялся еще совершать какие-то сделки – он купил землю под застройку, арендовал здание под офис, наладил контакты с поставщиками некондиционного кирпича. Андрей, по сути, был ему не нужен, но Карэн все же не отпускал его домой – считал, что сын должен перенимать опыт. Ведь все достанется именно ему! Но Андрей, вместо того чтобы вникать в дела, днями пропадал у мольберта, рисуя непривычные среднерусские пейзажи, а вечерами у телефона, названивая домой. Он безумно скучал по Каре, беспокоился о ней и обо всех домашних – в прессе то и дело стали появляться заметки о беспорядках на улицах абхазских городов. А когда бабушка в одном из разговоров упомянула, что на шоссе видели танки и бронетранспортеры, Андрей понял, что пришла пора настоять на возвращении.

Карэн согласился вернуться не сразу – у него была намечена масса дел на всю неделю, к тому же он не верил газетам (считал – преувеличивают), зато очень доверял своим людям, оставленным охранять виллу. Так что засобирались они в Абхазию только через три дня. Тут оказалось, что рейсы до Сухуми отменены и придется лететь через Адлер. Весь полет Андрея была нервная дрожь, он чувствовал опасность – просто так аэропорты не закрывают – и слышал перешептывания стюардесс о том, что многие пассажиры отказались от своих билетов, насмотревшись телевизионных репортажей с сухумских улиц, по которым на самом деле бегали кучки фанатиков с автоматами и ездили танки...

– Не волнуйся, сын, – успокаивал Андрея и себя самого Карэн, – мы от Сухуми далеко. У нас в горах спокойно. Наверняка спокойно... Иначе меня бы предупредили...

Когда приземлились, сразу стали звонить домой, но связи не было. Потом оказалось, что граница закрыта и попасть в Абхазию можно только нелегально. Карэн за пачку «зелени» нанял одного бывалого контрабандиста, и тот перевез их через горы на своем джипе.

К особняку подкатили уже на закате. Первым из машины выпрыгнул Андрей, затем отец, следом пятеро его «бойцов» с автоматами – Карэн решил вывезти семью из Абхазии незамедлительно, а передвигаться по дорогам без охраны было опасно.

В уходящем свете дня дом Андрею показался мрачным, даже зловещим. В его темных окнах полыхал красноватый закат. Башня, над которой зависло багряное солнце, казалась облитой кровью. Погруженный во мрак сад был похож на заколдованный лес...

– Почему не горит свет? – бросил Карэн на бегу. – Электричество отключили?

– Да, похоже... А где твои люди? Они же должны нас встретить...

– Не знаю, может, в доме... А мо...

Карэн резко замолчал, наткнувшись на что-то большое, темное, лежащее поперек гравийной дорожки. Он наклонился, чтобы посмотреть, но один из автоматчиков придержал

его за руку:

– Карэн Ованесович, не надо...

– Что это тут лежит?

– Русик.

– Русик? – Карэн все же склонился, перевернул труп на спину. – Да, это он... – Голос его дрогнул. – А где остальные?

Но отвечать не понадобилось – Карэн сам увидел остальных: они лежали у крыльца, такие же мертвые, как и Русик. Оружия при них не было – видно, те, кто убил их, забрали автоматы с собой.

– Быстро в дом! – взревел Карэн и первым бросился к зияющему пустотой дверному проему.

Они вбежали в дом и не узнали его. Холл был разгромлен: мебель порублена, обивка со стен содрана, вазы разбиты, на полу валялись поломанные рамы, истоптанные цветы, обрывки книг... Ценные безделушки, картины, ковры исчезли, зато на стенах появились дырки от пуль, похабные рисунки, на мраморных плитах лужи крови, кучи экскрементов...

Андрей не стал задерживаться в холле, он тут же ринулся к лестнице, взлетел по ней на второй этаж...

– Кара! Мама! Бабушка! Марианна! – орал на бегу. – Где вы?

Первой по коридору комнатой была спальня сестры, но он промчался мимо, спеша к их с Карой спальне. Достигнув двери, распахнул ее, ворвался в комнату, разгромленную, засыпанную пухом из подушек и мелкими осколками зеркал.

– Кара! Кара! Кара! – уже сипел он, мечась по помещению – ему казалось, что она где-то спряталась, и, услышав, как он зовет ее, выбежит. – Девочка моя, я приехал...

Тут до его слуха донесся крик отца – никогда до этого Андрей не слышал, чтобы он так страшно, так душераздирающе кричал. Казалось, не человек издает этот звук, а смертельно раненный хищник...

Андрей выбежал на голос. Обнаружил отца, стоящего у двери в комнату бабушки. Карэн уже не кричал, он сдавленно всхлипывал, до крови кусая кулак. Андрей шагнул к нему. Встал рядом. И увидел то, что минутой раньше увидел отец...

На вздыбленной кровати лежала мама. В тонкой ночной рубашке, поверх которой был наброшен кружевной пеньюар, в одной домашней туфельке с розовым помпоном из кроличьего меха. Ее светлые волосы свешивались вниз, голова была запрокинута, а глаза, огромные зеленые глаза, не моргая смотрели в потолок... Все – и кровать, и рубашка, и волосы, и лицо – было забрызгано кровью.

Кровь была и на полу – она вытекла из огромной раны на бабушкином животе. Бэла Ашотовна лежала у кровати, ее мертвые руки сжимали старое охотничье ружье. Тут же валялись ее ключечка и разбитые очки...

Андрей, шатаясь, отошел от двери. Еле передвигая ноги, двинулся к комнате Марианны. Осталось обнаружить два тела, и он знал, что обнаружит их именно в спальне сестры...

Но там трупов не было.

– Отец, скажи ребятам, пусть поищут Кару с Марианной... Быть может, они где-то спрятались...

Но отец не слышал его. Он стоял на коленях у трупа своей матери, держась одной рукой за холодную кисть жены. Безымянного пальца на ней не было – его отрезали вместе с обручальным кольцом, оно очень туго снималось...

– Найдите мне этих ублюдков, – не своим голосом проговорил отец. – Всех, до единого... – Он уставился на подошедших автоматчиков остекленевшими глазами. – Живыми... – Тут его взгляд стал осмысленным, но диким. – Я лично убью каждого из них... А сейчас уйдите все, оставьте нас с сыном одних...

Парни беспрекословно подчинились.

Как только затих топот их шагов, отец дал волю чувствам – разрыдался в голос, уткнув лоб в ледяную руку жены. Андрей опустился рядом с ним, обнял. По его лицу тоже катились слезы, но не такие отчаянные. Он оплакивал бабушку, маму, но не жену. Раз он не видел трупа Кары, в его сердце жила маленькая надежда на то, что она еще жива...

– Мы найдем их, сынок, – хрипло прошептал Карэн, и Андрей решил, что говорит отец о Каре и Марианне, но ошибся. – Найдем этих выродков... И отомстим за наших женщин... Я буду землю носом рыть, и других заставляю... Мы найдем их! – Он зажмурился. – Об одном буду бога молить – чтобы мы успели до похорон...

«Выродков» нашли только через неделю – на деньги Карэна они далеко ушли. Ими оказались наемники из соседней республики, бывшие уголовники, отморозки, утоляющие на войне жажду насилия. Главным для них было убивать, а то, что за это еще и платили, стало лишь приятным дополнением. Гонорары свои они тут же спускали: на вино, шлюх, наркотики, и когда все эти «прелести» жизни уже не на что было покупать, они занимались мародерством, разбоем, грабежом. Сшибали по мелочи, лишь бы хватило на чачу и «герыч». Идея пойти на крупное дело возникла спонтанно. Усталые, больные с перепоя, злые из-за того, что не на что опохмелиться, они ехали на «УАЗе» по горной дороге и глазели по сторонам. Один из них задрал голову вверх и увидел роскошный особняк, белеющий на фоне голубых пиков. Ему сразу стало ясно, что внутри этого дворца они могут найти столько богатств, что больше не придется потрошить карманы трупов, громить жалкие лавчонки, ломать кости и черепа ради медных грошей. Одно крупное дело – и они богаты!

Когда наемник поделился своими мыслями с товарищами, те его поддержали. Ограбить богатея им казалось легким и не очень опасным делом – они не удосужились узнать, кому принадлежит роскошный особняк, решили, что обычному нуворишу. Их не насторожил тот факт, что вход охраняют квадратные автоматчики явно криминального вида, зато очень порадовало количество охранников – в результате

слежки было установлено, что их всего пятеро. Пятерка ошалевших от безделья и жары пареньков да четверо бабенок в доме против квартета профессионалов с автоматами и гранатометом – какой пустяк!

Штурм начали в три ночи. Прячась в пышной зелени сада, тихо и незаметно подошли к дому, засели в кустах. Первого охранника сняли прямо на гравийной дорожке – перерезали горло, он и пикнуть не успел. Второго – он обходил дом кругом – чуть позже. Оставшуюся троицу расстреляли из автоматов, ворвавшись в холл и застав парней за игрой в «козла». Потом их трупы вышвырнули на крыльцо, чтоб не мешались под ногами, и начали разграбление. Сначала брали все – вазы, картины вместе с рамами, столовое серебро, шахматы из слоновой кости, старинные книги – потом поняли, что все добро не вывезти даже на «УАЗе», и стали отбирать только самое ценное: драгоценности, деньги, антикварные безделушки. Между делом разоряли бар Карэна, вливая в свои глотки выдержанные коньяки, виски, джин и запивая все это тонким французским вином. Через пару часов надрались до такой степени, что захотели «любви». И тут вспомнили, что наверху есть пара молодых и одна еще вполне аппетитная бабенка. С радостным криком в дым пьяные бандиты кинулись вверх по лестнице...

Бэла Ашотовна предвидела это. Как только услышала выстрелы, она поняла, в чем дело. Конечно, она надеялась на то, что бандиты, взяв ценности, уйдут, не запятнав себя на-

силием над незащищенными женщинами, но когда через час до нее донесся пьяный ор, она изменила свое мнение. Тогда, сняв со стены ружье своего мужа, бабушка вышла в коридор, встала, как страж, у основания лестницы и велела Каре и Марианне быстро покинуть комнату, в которой они спрятались, и мчаться в башню. Там был чердачок. Узенький, низкий, в нем нельзя было ни стоять, ни лежать, только сидеть, поджав под себя ноги, и в нем как раз могли поместиться две девушки. Бэла Ашотовна надеялась, что бандиты их там не найдут.

Когда Кара с Марианной скрылись, она вернулась в комнату, села рядом с невесткой на кровать, положила на колени ружье и стала ждать. Ждать пришлось недолго. Спустя час четверка ополоумевших от вина, крови, сознания собственной силы и безнаказанности отморозков смела хлипкую преграду двери и ворвалась в комнату.

Бэла Ашотовна вскинула ружье. Все заржали – не поверили, что старушонка выстрелит. Один из них, обвешанный цепочками Карэна, похотливо облизнулся, глядя на Елену, и сказал какую-то сальность. Все заржали еще громче. Тогда он швырнул об стену бутылку, которую держал в потной руке, и, рванув брючный ремень, шагнул в комнату...

Вот тут Бэла Ашотовна и выстрелила. Пуля, выпущенная из ствола старого ружья, из которого до того стреляли лишь по уткам, попала бандиту в живот. Он охнул, схватился за бок. Бэла Ашотовна спустила курок вторично. Но она так и не узнала, достигла ли ее пуля цели, так как в этот момент

один из бандитов (только он таскался по дому с автоматом) срезал старуху очередью. Бэла Ашотовна рухнула на пол, так и не выпустив из рук ружья, следом за ней на кровать упала Лена – две пули достались ей...

Смерть еще двоих человек наемников не сильно расстроила, огорчило только то, что не удалось воспользоваться красивой русской бабой. Тут они вспомнили о паре молодых и начали их поиски...

Девушек нашли лишь под утро. Выволокли из укрытия, бросили на пол гостиной, сорвали одежду... Изнасиловали только по разу, чтобы не покалечить, бить совсем не стали, дабы на лицах не осталось следов. Потом впавших в ступор девушек связали и отнесли в машину – мародеры знали, где можно продать такой первоклассный товар, как юные красотишки...

Все это Карэн узнал через неделю, когда в его кабинет пинками загнали троих беглецов (четвертый умер от заражения крови – пуля бабушки все же отправила его на тот свет) и когда они, сбиваясь, заикаясь от страха, иногда похныкивая, выложили ему все... Вернее, почти все, за исключением того, что хотели изнасиловать его жену и надругались над невинной дочерью, но это он сам понял, а когда понял, заставил их признаться... Потом он взял у своего бойца пистолет и трижды выстрелил – каждый получил пулю в голову. Затем он отшвырнул оружие, велел убрать трупы и вернулся туда, где провел всю предыдущую неделю...

В погреб.

Там, среди бочек с вином, среди банок с аджикой и мешков с курагой он прожил все эти кошмарные дни. Сидя на земляном полу, он пил, практически не закусывая – зажевывая иногда сушеным абрикосом, и все. Спал Карэн там же, падая на бочку с «Изабеллой», он забывался, но через пару часов выныривал из вязкого дурмана и продолжал поглощать вино. Наверх он поднялся только на похороны, все остальное время сидел под землей, и выгнать его из убежища не могли даже взрывы – когда дом сотрясся под ударом попавшего в него снаряда, Карэн только хмуро глянул на пролившееся вино и плеснул себе новую порцию.

Больше он не плакал, хоть очень этого хотел – слезы, как известно, очищают душу, но его душу очистить они не могли... Только месть! Карэну казалось, что его любимые женщины не смогут упокоиться с миром, пока их убийцы ходят по земле. Леночка и Бэла Ашотовна снились ему всякий раз, как он погружался в пьяный дурман. Они ничего не говорили, но смотрели с таким укором, что он просыпался с криком и тянулся за стаканом, чтобы затуманить мозги...

Расправившись с «выродками», отец пошел на поправку. Он стал чаще подниматься из подвала, начал есть горячее, интересоваться новостями, замечать окружающих... Три пули, которые он выпустил из пистолета, сыграли роль пилюль. Отомстив, он вылечился. И Андрей ему завидовал, поскольку сам он не мог успокоиться, несмотря на то, что *все со-*

вершалось на его глазах. Что смерть ублюдков? Ею ни маму, ни бабушку не вернешь. Не говоря о Каре... Ее и Марианну продали спустя сутки после налета. На следующий день их уже вывезли из СНГ куда-то в Афганистан...

Узнав об этом, Андрей заплакал от бессилия. Все неделю он жил только надеждой. Он верил, что Кара отыщется, поэтому старался не раскисать. В отличие от отца Андрей не дал горю завладеть собой, он ел, спал, занимался делами – все хлопоты по устройству похорон пришлось взять на себя. А еще вытаскивать отца из норы в день погребения – бойцы Барса боялись туда сунуться, так как их босс стрелял во всякого, кто пытался заглянуть к нему.

Когда тела мамы и бабушки предали земле, Андрей спустился вместе с отцом в подвал. Они выпили канистру «Муската», съели банку аджики с батоном, после чего отец, опьянев, погрузился в сон, а Андрей вернулся наверх – в отличие от Карэна он не мог забыться при помощи вина, от алкоголя ему становилось еще хуже...

Хуже, но не так плохо, как в день «казни». Раньше у него оставалась надежда, а теперь она исчезла. Он понял – Кару с Марианной им не найти. Слишком много времени прошло! За неделю их успели увезти на край света, туда, откуда не возвращаются... И вот тут на него накатило... Когда отец вернулся в погреб, Андрей подобрал с пола пистолет, поднялся в их с Карой комнату и приставил дуло к виску...

Он хотел выстрелить, он уже палец на спусковой крючок

положил, он с миром простился... Оставалось только нажать! И все – освобождение! Но Андрей остановил себя. Он не мог *так* поступить с отцом. Лишившись еще и его, тот сойдет с ума... Мать, жена – убиты, дочь пропала, остался только сын, а он вдруг – бах, и пустил себе пулю в лоб! Поступил, как слабак. Не справился. Сломался. Бросил отца на растерзание горю... Горю и чувству вины. Андрей видел, как мучается отец, и догадывался, что он винит в случившемся себя. Ему наверняка казалось – будь он тогда рядом, с его женщинами ничего бы не случилось. Пятеро автоматчиков не смогли их защитить, а он один смог бы! А если нет, то погиб бы, обороняя свой дом, свою семью, как подобает мужчине... А так вместо него дом защищала старуха-мать. Она получила его пулю. И нет ему за это прощения...

Вот почему Карэн, не просыхая,пил, вот почему никого не хотел видеть (включая сына, в глазах которого ему чудился укор), вот почему бредил мстью.

Осознав это, Андрей отбросил пистолет. Быстро переодевшись (футболка вся взмокла от пота), он вышел в холл, где на полу сидели бойцы Карэна.

– Отец отдал приказ искать Кару с Марианной? – спросил он у главного, кажется, его звали Сашей.

– Нет.

– Ищите, – не терпящим возражения тоном приказал Андрей. – Сделайте невозможное... Постарайтесь. Любая информация будет щедро оплачена. Тот, кто выйдет на их след,

получит пятьдесят тысяч долларов. Нашедший – четверть миллиона.

– А если их уже нет в живых?

– Тогда найдите их могилы.

Отдав такой приказ, Андрей вышел из дома, пешком спустился по горной дороге, миновал пасеку, водопад, развилку, повернул в сторону поселка Веселое, где на маленьком кладбище были похоронены мама и бабушка. Он спешил сообщить им, что отец за них отомстил.

Спустя неделю Карэн, весь седой, худой, заросший бородой, но абсолютно трезвый, вылез из подвала, чтобы больше туда не возвращаться. Он вымылся, побрился, переделся в чистое, после чего позвал сына в кабинет для разговора.

– Мы уезжаем отсюда, – сказал он, как только Андрей переступил порог комнаты.

– В Москву?

– Нет. Вообще отсюда.

– За границу, что ли?

– Да. Нам могут дать статус беженцев.

– И куда ты хочешь уехать?

– Все равно. – Отец на мгновение прикрыл глаза, вокруг которых появились старческие морщины (а Карэну было только пятьдесят), и хрипло проговорил. – Мне теперь все равно, где жить... Мой ад всегда со мной, а ты еще можешь забыть и начать все сначала... – Он ткнул пальцем в поло-

винку глобуса, до сих пор валявшуюся в углу кабинета. – Выбери любую страну.

– Не любая принимает беженцев...

– Поедем в ту, которая принимает, потом переберемся...

– Ты все бросишь и уедешь? – все еще не мог поверить

Андрей.

– Мне нечего бросать. У меня остался только ты, а ты будешь со мной...

– У тебя еще есть дочь. И она, быть может, жива...

– Я уверен, моя девочка предпочла бы смерть, чем скотское существование в роли дешевой шлюхи... – яростным шепотом проговорил Карэн. – Я чувствую – ее уже нет в живых...

– А Кара?

– Кара – это твоя боль, сынок, не моя... Я не могу терзаться еще и из-за нее. Прости, но мне почти все равно, жива она или нет.

– Но мы будем ее искать?

– Мы ищем. Но безрезультатно. Человек, который купил девушек, погиб под гусеницами танка четыре дня назад. Узнать, кому он их перепродал – невозможно. – Карэн с жалостью посмотрел на сына. – Ты ее не вернешь. Смирись с потерей, сын. И не тешь себя надеждами – твоя жена погибла, как и моя... Мы с тобой оба вдовцы...

– Пока я не найду ее, живой или мертвой, не смирюсь...

– Тебе двадцать лет, ты не можешь всю жизнь искать...

– Могу. И буду. Клянусь тебе! Если она жива, я верну ее и буду жить с ней, хоть с больной, хоть с убогой, а если мертва, то похороню рядом с бабушкой и мамой и только после этого начну считать себя вдовцом.

– Не загоняй себя в ловушку подобными клятвами, сын, потом не выберешься... Похорони Кару в своем сердце и живи дальше. А лучше начни жизнь заново, у тебя еще получится... Поверь, когда мы уедем отсюда, – он обвел взглядом кабинет, где стены все еще пестрели похабными надписями, а в углу грудилась сломанная мебель, – тебе станет легче, и ты сам захочешь этого! Мы убежим от воспоминаний, как убегали многие... – Он постарался улыбнуться, но у него получилась лишь гримаса. – Европа ждет нас, сынок!

– Я все еще не верю в то, что ты решил уехать за границу... Как же твой бизнес? Твои люди? Твои связи?

– Я отхожу от дел. Все! Кончено! – Отец рубанул ребром ладони воздух. – Барса больше нет! Он оказался не способным защитить свою семью. Я его проклял. Теперь я Карэн Караян, беженец из кавказской республики... – Он схватил половинку глобуса, брякнул ее на стол и наугад ткнул пальцем. – Нидерланды! Поедем туда, там нас точно примут...

– Но что мы будем там делать, папа?

– Не хочешь туда? Поехали в Италию, она похожа на Абхазию, там тебе понравится... – Он сместил палец в сторону. – Швейцария! Альпы! Ты же любишь горы... Или во Францию махнем. Осядем в каком-нибудь курортном местечке в пред-

горье Альп, построим гостиницу, а в Бордо купим поместье, где будем выращивать виноград...

– Может, достаточно переехать в Адлер к тете Каринэ? Или в Тюмень к дяде Хачику?

– Нет. Мне нужно другое небо, другой воздух, другой язык, другие нравы, все другое, потому что любая мелочь будет напоминать о *них*... – Карэн стремительно прошел к двери, выглянул в коридор и крикнул: – Готовность номер один, парни! Через час мы уезжаем отсюда...

– Мы не успеем собраться за час, – запротестовал Андрей.

– Чего тебе собирать? Дом разгромлен и разграблен, вывозить нечего, кроме старых фотографий, а их я уже сложил в сумку... – Он подтолкнул сына к двери. – Возьми немного одежды, документы и спускайся. Засветло мы должны успеть доехать до границы...

Они собрались меньше чем за час. Все их имущество поместилось в одну дорожную сумку. Закинув ее в багажник джипа, Караяны под охраной дюжины бойцов на «УАЗах» покинули родные горы.

По дороге заехали на кладбище, посидели молча у могил. Отец хотел снять с пальца обручальное кольцо и положить на выступ памятника, но оно не поддавалось. Несмотря на то что Карэн похудел килограммов на пятнадцать и руки его стали сухими и прозрачными, кольцо не соскальзывало, а держалось еще крепче, чем раньше.

– Леночка не хочет, чтобы я снимал его, – тихо сказал

он, перестав терзать палец. — Если так, я не буду... — Он опустился на колени перед могилой, уткнулся лбом в нагретый солнцем мрамор памятника и добавил шепотом, адресуя свои слова не Андрею, а той, с кем прощался: — Ты только не обижайся на меня, милая, но я больше сюда не приду... Я уезжаю навсегда. Прощай!

Он тяжело поднялся и, не отряхнув колен, медленно побрел к машине. Дойдя до нее, забрался в кабину, закрыл глаза и откинулся на сиденье — он больше не хотел видеть ни кладбища, ни деревьев, ни гор, ни парящего в серо-голубом пространстве скал особняка, ни неба, расцвеченного закатом... А вот Андрей еще долго стоял у могил, долго смотрел на деревья, горы, скалы, особняк, небо, пытаясь запомнить все до мелочей — очертания, оттенки, запахи, чтобы вспомнить на чужбине... Он, в отличие от отца, не хотел рвать с прошлым, не прощался с Абхазией, он знал, что обязательно сюда вернется...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.